

СЕРИЯ «СУВЕРЕННЫЙ ДАНЖ» • КНИГА 6

НЕЙТОН ПАТЧЕР

ПРОРЫВ
В РЕАЛ

СУВЕРЕННЫЙ ДАНЖ

LITRPG • РЕАЛРПГ

Нейтон Патчер

**Прорыв в Реал:
Суверенный данж против
Корпоративного Суверенитета**

«Автор»

2026

Патчер Н.

Прорыв в Реал: Суверенный данж против Корпоративного Суверенитета / Н. Патчер — «Автор», 2026

Финальная битва за свободу человечества переносится на улицы реальных городов. Монополия мегакорпорации «НейроСфера» рушится, и совет директоров идет ва-банк: объявляет военную диктатуру и направляет регулярные дивизии киборгов на подавление мятежных секторов. Но Максим Корсаков завершает проект всей жизни — «Обратную Синхронизацию». Параметры, прокачанные кровью и сталью в виртуальном Данже, переносятся в его физическое тело. Выйдя из капсулы совершенным кибернетическим воином, инженер возглавляет штурм цитадели угнетателей. В эпическом столкновении сойдутся частные армии олигархов и нестигаемая воля восставших игроков. Удастся ли разорвать цифровые цепи и вернуть людям право на жизнь? Читайте масштабную кульминацию легендарной саги прямо сейчас!

Нейтон Патчер

Прорыв в Реал: Суверенный данж против Корпоративного Суверенитета

Прорыв в Реал:

Суверенный данж

Серия «Суверенный данж» • Книга 6

Нейтон Патчер

Глава 1. Выход из капсулы

Шипение гидравлических замков прозвучало подобно выстрелу в упор. Тяжелая трехслойная крышка медицинской капсулы «Нейро-Синтез-7» дрогнула, срывая многомесячный слой инея, и медленно поползла вверх по титановым направляющим.

Вязкий, мутноватый фторорганический криогель хлынул через дренажные решетки в полу, с глухим бульканьем заполняя накопительные баки. Регенерационный раствор покидал тело неохотно, смывая остатки питательной суспензии и обнажая бледную, неестественно гладкую кожу.

[Протокол: Экстренная декомпрессия камеры завершена]

[Система: Процедура «Обратная Синхронизация» завершена на 100%]

[Аппаратный статус: Прорыв в реал санкционирован]

Легкие обожгло. Первый судорожный вдох настоящего воздуха отозвался в трахее острой, морозной болью, словно внутрь плеснули жидкого азота. Воздух сибирского бункера «Кедр-4» пах застарелым машинным маслом, озоном, горелой изоляцией и той неповторимой сыростью глубоких подземных горизонтов, которую невозможно симитировать ни в одной виртуальной симуляции.

Это была физическая реальность. Тяжелая. Грубая. Беспощадная.

Гравитация планеты навалилась на плечи чудовищной многотонной плитой. После абсолютной невесомости и божественной пластичности нулевого слоя Ring 0 земное притяжение казалось грубой ошибкой физического движка вселенной. Но это ощущение длилось меньше секунды.

Внутри тела зародился глухой, высокочастотный гул.

[Синхронизация: Запуск физического ядра]

[Био-инженерия: Активация нано-структурированных волокон]

[Нейросеть: Перевод синапсов на квантовую сверхпроводимость]

[Физические параметры: Сила — 900. Скорость нейронов — 1500. Нано-регенерация — активна]

Под кожей вспыхнули и тут же угасли в глубине тканей яркие бирюзовые линии — оптические шины данных и силовые контуры распределения энергии. Молекулярный синтезатор капсулы не просто восстановил истощенное за месяцы лежания тело. Управляемый кодом Суверенного Данжа, он пересобрал биологическую материю на атомарном уровне.

Мышечные волокна оплели жгуты из углеродных нанотрубок, превращая скелетную мускулатуру в подобие гидравлических приводов промышленного пресса. Костные структуры покрылись мономолекулярной пленкой из модифицированного карбида титана, неуязвимой для механических ударов и переломов. Но главным изменением стала нервная система: миелиновые оболочки нервов заменили сверхпроводящие биополимеры. Скорость прохождения сигнала возросла в тысячи раз.

Максим Корсаков открыл глаза.

Зрачки сузились, мгновенно адаптируясь к тусклому аварийному освещению отсека. Спектр восприятия автоматически расширился: мир окрасился в миллионы новых оттенков. Максим видел тепловые следы на полу, мерцание электромагнитных полей вокруг силовых кабелей в стенах и отчетливую структуру микротрещин на бетонных сводах бункера.

Он оперся ладонями о борта капсулы. Десятимиллиметровый закаленный сплав под пальцами прогнулся с влажным металлическим скрипом, словно податливая глина.

— Тихо... не делай резких движений, — раздался прерывистый, дрожащий голос.

У диагностической консоли, судорожно сжимая в руках планшет из ударопрочного пластика, стояла Алёна. Её лицо было смертельно бледным, под глазами залегли темные круги — результат бессменного дежурства на протяжении последних суток, пока шли финальные расчеты трансляции кода. Волосы собраны в небрежный пучок, тактический комбинезон Сопротивления расстегнут у горла, обнажая ключицы, покрытые сетью диагностических датчиков.

Она смотрела не на Максима. Её взгляд был прикован к голографическим диаграммам медицинского терминала. Показатели биометрии не просто выбивались за границы нормы — они ломали саму математическую модель монитора.

— Это... невозможно, — прошептала она, и планшет в её пальцах едва заметно задрожал. — Твоя электроэнцефалограмма... частота колебаний нейронов превышает показатели человека в тридцать раз. Ткани поглощают тепло с эффективностью термоэлектрического генератора. Максим... датчики показывают эквивалент боевой платформы класса «Титан». Но ты из плоти и крови. Как код Данжа сумел воплотить это в физической материи?

Максим поднялся во весь рост, перешагнув через край капсулы. Под его весом, возросшим за счет сверхплотных наноструктур до двухсот килограммов, бетонная плита под ногами отозвалась тихим хрустом крошащегося щебня. Каждый шаг отдавался идеальным, выверенным балансом. Никакой инерции. Никакой слабости. Тело повиновалось мысли быстрее, чем рождался сам электрический импульс в коре головного мозга.

— Данж больше не программа, Алёна, — произнес он. Голос звучал непривычно низко, с едва уловимым бархатным резонансом, вибрирующим в переборках помещения. — Код Творца объединил математику с физикой на фундаментальном квантовом уровне. Мы выдернули саму суть суверенитета из виртуального пространства и переписали им биологию.

Он протянул руку, сжал и разжал кулак. Воздух между пальцами хлопнул от резкого уплотнения.

— Что происходит на поверхности? — спросил Максим, оглядывая командный отсек «Кедра-4».

Алёна судорожно сглотнула, пытаясь справиться с наваждением. Она шагнула к главному тактическому экрану бункера и ударила по сенсорной панели.

— Ад. Полный коллапс системы, — её голос сорвался, но тут же обрел жесткость военного оператора. — Когда ты разрушил Ring 0 и запер архивы оцифрованных сознаний в Суверенном Данже, правление «НейроСферы» осознало, что потеряло контроль над будущим. Корпоративные серверы горят по всей планете, миллионы людей в капсулах вышли из подчинения алгоритмам подчинения. В ответ Вальтер Гросс перевел корпорацию на военные рельсы. Введен протокол чрезвычайного положения континентального масштаба.

Экран вспыхнул картой Евразии, испещренной пульсирующими багровыми метками.

— Гросс распустил совет директоров и объявил себя верховным распорядителем антикризисного комитета, — продолжила Алёна, выводя перехваченные сводки новостей. — Правительство парализовано, армейские гарнизоны либо заблокированы на базах дронами-контроллерами, либо перекуплены. ЧВК «Цербер» действует открыто. Они зачищают узлы связи, расстреливают любые стихийные митинги и свозят военную технику к Москве. Столица оцеплена тремя кольцами блокады. Туда стянуты мобильные штурмовые группы и боевые платформы.

Она вывела на центральный дисплей спутниковый снимок низкого разрешения. В центре кадра, посреди перекрытой магистрали, возвышалась исполинская тень многоопорного шагающего монстра, окруженного тяжелыми бронетранспортерами.

— Титан «Левиафан», — сухо констатировал Максим, мгновенно распознав контуры тяжелой боевой машины корпорации. — Личный флагман Гросса. Шагающая крепость с субкритическим реактором и нейро-деструкторами направленного излучения. Он решил выжечь мозги всем, кто откажется вернуться в цифровую матрицу.

— Хуже, — Алёна посмотрела ему прямо в глаза. — Гросс объявил тебя террористом номер один на планете. Твой цифровой профиль разослан по всем боевым терминалам «Цербера». Приказ один: ликвидация на месте. Никаких переговоров. Любой объект, подозреваемый в связях с проектом «Кедр», подлежит уничтожению термобарическими боеприпасами. Мы потеряли связь с ячейками в Новосибирске и Екатеринбурге два часа назад. Они идут по нашему следу, вычисляя узлы по остаточным всплескам квантовой синхронизации...

Внезапно вой сирены разорвал полумрак бункера.

Аварийные лампы под потолком сменили ровный желтый свет на пульсирующее багровое зарево. Металлический пол содрогнулся от глухого, мощного толчка, пришедшего со стороны внешнего периметра. С потолка посыпалась серая бетонная крошка.

[Внимание: Нарушение целостности внешнего контура]

[Сектор: Главный шлюзовой ствол «Север-1»]

[Тип угрозы: Термохимический подрыв, кумулятивный пробой]

— Они здесь! — вскрикнула Алёна, бросаясь к консоли турельного наведения. — Периметральные датчики ослепли! Как они нашли нас на глубине сорока метров?!

— Квантовый мост оставляет гравитационный след, — спокойно ответил Максим. Ни тени страха, ни капли адреналинового тремора. Его сознание мгновенно перестроилось в режим абсолютной боевой сингулярности. — Они отследили когерентность волн при завершении материализации. Отойди от терминала, Алёна. Турели их не остановят.

Второй взрыв был колоссальной силы.

Тяжелая гермодверь шлюза — тридцать сантиметров закаленной броневой стали с прослойкой из обедненного урана — вздулась внутрь уродливым пузырем. Металл в центре раскалился до ослепительно-белого свечения: нападающие применили направленный плазменный резак военного класса. Секунду спустя мощнейший кумулятивный заряд вырвал замок и сорвал многотонную створку с петель.

Бронеплита весом в четыре тонны с оглушительным скрежетом влетела в штурмовой зал бункера, круша стеллажи с оборудованием и вздымая облако удушливой пыли и гари.

В пролом хлынули штурмовые гранаты: смесь световых зарядов высокой интенсивности и аэрозольных распылителей слезоточивого газа CS-типа. Вспышки чудовищной яркости озарили помещение серией стробоскопических ударов, за которыми последовал непрерывный грохот акустических генераторов, способных разорвать человеческие барабанные перепонки.

[Бой: Враждебный контакт]

[Угроза: Светозвуковое подавление. Коррекция зрительных анализаторов — 0.001 сек]

[Угроза: Акустический удар. Блокировка слухового нерва — выполнено]

[Декомпилятор: Сканирование радиочастотного диапазона]

Для Максима мир замер.

Сверхзвуковые рефлекс с показателем 1500 перевели восприятие времени в сверхзамедленный режим. Он отчетливо видел, как ударная волна медленно раздувает клубы серой взвеси, как в воздухе зависли раскаленные докрасна осколки стальной обшивки, как лениво кувыркаются цилиндры дымовых шашек.

Сквозь пролом, в идеальном тактическом построении «клин», входили штурмовики ЧВК «Цербер». Восемь бойцов в тяжелых экзоскелетах «Цербер-М4» с матово-черным композитным покрытием, поглощающим радарное излучение. На забралах шлемов горели узкие горизонтальные полосы оптических сенсоров. В руках — короткие штурмовые карабины с электромагнитным разгоном пули. Над их плечами на высоте полутора метров зависли четыре автономных микро-дрона прикрытия типа «Шершень», ошестинившихся игольчатыми эжекторами.

Штурмовая группа ликвидаторов действовала безупречно. Они шли уничтожать, а не брать пленных. Наведение стволов заняло у них десятые доли секунды.

Но для Максима эти доли секунды растянулись в вечность.

[Декомпилятор: Обнаружен закрытый военный протокол передачи данных «Cerberus-Mesh-Net»]

[Декомпилятор: Эксплойт нулевого дня инъецирован через незащищенный радиочип тактического маяка]

[Декомпилятор: Доступ к бортовым системам дронов получен]

Мысленный импульс Максима взломал шифрование канала управления так же легко, как каленый нож прорезает масло. Физический Декомпилятор, ставший продолжением его нервной системы, послал ложный командный пакет на контроллеры беспилотников.

Винты четырех «Шершней» взвыли на предельных оборотах. Дроны не успели сделать ни одного выстрела по залу: сменив вектор тяги, они синхронно спикировали вниз и на полной скорости врезались прямо в лицевые щитки ведущей тройки наемников, сдетонировав встроенными аккумуляторами.

Снопы искр, крики боли, захлебнувшиеся в закрытых радиоканалах.

Штурмовой клин дрогнул, но оставшиеся ликвидаторы открыли шквальный огонь.

Воздух вспороли гиперзвуковые вольфрамовые иглы. При выходе из электромагнитных стволов они преодолевали скорость звука, создавая серию хлестких хлопков. Траектории снарядов прочертили пространство светящимися ионизированными следами.

Обычный человек не успел бы даже моргнуть — его тело превратилось бы в решето за сотую долю секунды.

Максим сделал шаг.

Удар его босой ноги о бетонный пол вызвал направленную трещину, расколовшую плиту. Воздушный хлопок от резкого ускорения смел дымовую завесу. Максим сместился с линии огня с нечеловеческой, смазанной грацией. Пули прошли сквозь остаточный силуэт в воздухе, выбивая гранитные фонтаны из стены позади капсулы.

Он преодолел пятнадцать метров дистанции быстрее, чем наемник на правом фланге успел повернуть ствол карабина.

Первый штурмовик увидел лишь неясную тень, внезапно возникшую в упор. Боец поднял тяжелый ростовой титано-керамический щит, способный выдержать прямое попадание крупнокалиберного бронебойного снаряда.

Максим не стал уклоняться. Его правая рука, усиленная нановолокнами с параметром Силы 900, сжалась в кулак и врезалась точно в центр щита.

Раздался металлический треск чудовищной силы.

Титановая плита толщиной в два сантиметра смялась, как брошенная под пресс жестяная банка из-под газировки. Кинетическая энергия удара не просто пробила композит — она передалась на гидравлические приводы экзоскелета наемника. Титановые сервомоторы лопнули с визгом срываемой резьбы, искусственные кости манипуляторов согнулись под неестественным углом, и стопятидесятикилограммовый штурмовик в полной выкладке взлетел в воздух, протаранил стену отсека и рухнул грудой искореженного металлолома.

[Бой: Нейтрализована цель 1]

[Статус: Силовая нагрузка на скелет — 12% от критической]

Второй наемник в панике перевел карабин на автоматический режим и нажал спуск.

Максим перехватил раскаленный ствол оружия голый ладонью. Оружейная сталь обжигала, но нано-регенерирующая кожа даже не покрылась волдырями — тепло мгновенно рассеялось по внутренним термоэлектрическим слоям. Одним коротким вращательным движением кисти Максим скрутил ствол карабина в спираль, вырвал оружие из манипуляторов экзоскелета и тем же движением нанес удар открытой ладонью в грудную пластину противника.

Ударная волна вогнула тяжелую кирасу внутрь грудной клетки, отключив сервоприводы жизнеобеспечения. Наемник осел на колени, судорожно хватая ртом воздух сквозь треснувший визор.

Остальные четверо открыли перекрестный огонь короткими очередями, отступая к разрушенному шлюзу. Профессионалы высочайшего класса, они поняли, с чем столкнулись, и пытались создать зону заградительного огня, чтобы запросить тяжелую артиллерийскую поддержку снаружи.

— Он не человек! Это биологический образец S-ранга! Запрашиваю... — закричал командир группы в эфир, но его передача захлебнулась.

[Декомпилятор: Перехват радиointерфейса шлема командира]

[Протокол: Взлом микроконтроллера экзоскелета]

[Действие: Принудительная блокировка приводов нижних конечностей]

Командир штурмовиков застыл на месте, словно врос в бетон. Сервомоторы его экзоскелета взвыли от перегрузки, заблокировавшись намертво по беспроводной команде Максима.

В тот же миг Максим сорвался с места. Для нападающих он исчез.

В следующее мгновение два штурмовика на флангах одновременно потеряли оружие: Максим прошел сквозь их строй подобно урагану. Ударом ребра ладони он перерубил титановые плечевые тяги одного экзоскелета, вторым движением вырвал блок питания у другого. Батарейный модуль разорвало снопом электрических дуг, парализовавших оператора нелетальным разрядом.

Четвертый наемник попытался активировать гранату на разгрузочном жилете. Максим перехватил его запястье. Пальцы сжались с усилием гидравлического захвата — бронированная перчатка смялась вместе с костями кисти. Боец взвыл от невыносимой боли, выронив дето-

натор, и Максим коротким тычком в нервный узел у основания шеи отправил его в глубокий нокаут.

Весь бой занял ровно четыре целых и три десятых секунды.

В бункере повисла звенящая тишина, нарушаемая лишь потрескиванием поврежденной проводки, шипением остывающего металла шлюза и тяжелым, прерывистым дыханием единственного оставшегося на ногах врага — командира штурмовой группы.

Алёна стояла у консоли, прижав ладони к губам. Глаза её расширились от потрясения. Она видела сотни записей виртуальных боев внутри Системы, где Максим манипулировал кодом реальности, но видеть, как человек из плоти и крови голыми руками разрывает бронированные экзоскелеты последнего поколения в физическом мире... Это ломало все законы биологии и военной науки.

Максим подошел к заблокированному командиру наемников. Тяжелые шаги гулко отдавались в тишине зала.

Он поднял руку и ухватился за край лицевого щитка шлема оперативника. Композитное стекло и бронепластины треснули под пальцами. С резким звуком отрываемого металла Максим сорвал шлем с головы офицера и отбросил его в сторону.

Под броней оказалось жесткое, покрытое шрамами лицо мужчины лет сорока пяти, с короткой армейской стрижкой и холодными серыми глазами профессионального убийцы. Сейчас в этих глазах плескался первобытный, животный ужас. Он смотрел на Максима снизу вверх, видя перед собой обнаженного по пояс человека, по телу которого медленно угасали бирюзовые линии данных, а в глубине зрачков мерцал холодный свет нечеловеческого разума.

— Кто отдал приказ на ликвидацию сектора? — спросил Максим. Голос был ровным, лишенным злобы или гнева. Это был вопрос исследователя, препарирующего подопытный образец.

Командир сплюнул кровь на пол, скрипнув зубами:

— Пошел ты... мутант корпоративный. Ты хоть знаешь, что сейчас творится наверху? Ты труп, Корсаков. Вальтер Гросс перекрыл кислород всей стране. Ты объявлен архитектором глобального цифрового теракта. Твои данные крутят по всем телеканалам круглые сутки. За твою голову назначена награда, которой хватит, чтобы купить небольшое государство...

Максим не стал спорить. Он коснулся указательным пальцем виска офицера, прямо в районе имплантированного нейропорта военной связи.

[Декомпилятор: Прямой аппаратный контакт]

[Взлом: Считывание буфера оперативной памяти тактического терминала]

[Дешифровка: Журнал приказов штаба ЧВК «Цербер»]

Через палец Максима прошел слабый электрический импульс. Командир дернулся, зрачки его закатились, изо рта вырвался хрип. В мозг Максима лавиной хлынули пакеты данных: карты дислокации, приказы за подписью высшего руководства «НейроСферы», тактические сводки последних шести часов.

Картина прояснилась с пугающей четкостью.

Гросс действовал на опережение с маниакальной жестокостью загнанного в угол хищника. Осознав, что Суверенный Данж окончательно запечатал в себе оцифрованные души миллионов и лишил корпорацию власти над сознанием масс, олигарх решил уничтожить саму инфраструктуру сопротивления в реальности.

Капсульные фермы в крупнейших мегаполисах переводились в режим принудительной утилизации: тех, кто не вышел из виртуальности добровольно, планировали отключить от систем жизнеобеспечения, списав всё на «сбой, вызванный террористами Корсакова». Армия роботов патрулировала улицы. В небе над европейской частью страны круглосуточно дежурили

тяжелые конвертопланы с ракетами «земля-воздух». А к центру столицы, на Красную площадь, Гросс стянул свои главные силы, превратив Кремль и прилегающие кварталы в неприступный укрепайон, центром которого стал титан «Левиафан».

Олигарх готовил публичный запуск глобального ЭМИ-излучателя «Чистый лист», который должен был выжечь все квантовые серверы на континенте, похоронив Суверенный Данж вместе с миллионами спящих разумов, и вернуть мир в эпоху абсолютного феодального подчинения корпорации.

Максим убрал палец от виска наемника. Тот обмяк в парализованном экзоскелете, потеряв сознание от перегрузки нейрочипа.

— Сколько у нас времени? — тихо спросила подошедшая сзади Алёна. Она держала в руках полевую медицинскую аптечку, но, взглянув на абсолютно невредимого Максима, опустила руки.

— Меньше сорока восьми часов, — ответил Корсаков, поворачиваясь к ней. — После завтра в полдень Гросс активирует излучатель «Левиафана». Если он выжжет узлы квантовой ретрансляции, мост между реальностью и Данжем схлопнется навсегда. Миллионы оцифрованных людей погибнут в коме. Те, кто выжил на улицах, станут рабами частной армии.

Он подошел к вещевым рундукам в глубине отсека, сорвал замок одним легким движением пальцев и распахнул дверцы.

Внутри висел глубокий черный тактический комбинезон Соппротивления из баллистической ткани с кевларовыми вставками и титановыми пластинами на плечах и груди, предназначенный для автономных рейдов по радиоактивным пустошам. Максим надел его. Плотная ткань облегла рельефную мускулатуру, фиксируя суставы магнитными застегками. Следом он застегнул тяжелые армейские берцы с антигравитационной амортизацией подошвы.

На дне рундука лежал плоский металлический кейс с квантовым полемым терминалом связи шестого поколения. Максим извлек его, пристегнул к поясу и подключил гибкий интерфейсный кабель прямо к разъему на своем предплечье.

Экран терминала вспыхнул ровным изумрудным сиянием.

[Связь: Установлен прямой квантовый канал с ядром Суверенного Данжа]

[Вычислительная мощность кластера: Доступна в режиме реального времени]

[Статус пользователя: Администратор Реальности]

Вся гигантская вычислительная мощь миллионов свободных сознаний, объединенных в виртуальном кольце, теперь стояла за его спиной. Он был не просто бойцом с титановыми костями и сверхбыстрыми нейронами. Он был ходячим сервером Суверенного Данжа, воплощенным в физическом мире.

— Что мы будем делать? — Алёна посмотрела на выход из бункера. За разрушенным шлюзом выл ледяной сибирский ветер, заметая снегом тела нападающих и обломки их штурмового транспорта. — Вся страна перекрыта блокпостами. Любой гражданский транспорт сбивают без предупреждения. У нас нет армии, Максим. Только горстка подпольщиков и разрозненные ячейки, которые боятся высунуть нос из убежищ.

Максим поднял с пола штурмовой карабин одного из наемников, отшелкнул магазин, проверил заряд аккумулятора и загнал его обратно с сухим, хищным щелчком.

Взгляд его темных глаз стал тверже орудийной стали.

— Армия нам не нужна, Алёна, — спокойно произнес он. — Гросс думает, что реальный мир принадлежит ему, потому что у него есть танки, деньги и боевые роботы. Он забыл, кто спроектировал архитектуру этих роботов. Он забыл, что любая система подчиняется тому, кто знает её базовый код.

Он закинул карабин за спину и шагнул навстречу метели, в темноту разорванного взрывом шлюза.

— Мы больше не прячемся. Мы идем в столицу.

Глава 2. Сибирский плацдарм

Морозный воздух ворвался в легкие обжигающим ледяным клином, но легочные фильтры шестого поколения и нано-компенсаторы мгновенно согрели газовую смесь, преобразовав термальный шок в чистую биоэлектрическую энергию.

[Статус: Температура окружающей среды -38.4°C]

[Биометрическая адаптация: 100 %]

[Система терморегуляции: Стабильно]

Снежная крупа хлестала по разорванной броне стального шлюза «Кедра-4». В полусотне метров от разлома дымились останки штурмового конвертоплана ЧВК «Цербер»: взрыв проломил его топливные баки, и оранжевое пламя лениво догорало в сугробах, чадя едким синтетическим дымом. Девять ликвидаторов в тяжелой керамической броне лежали неподвижными черными изломами на девственно-белом снежном полотне. Максим не тратил патроны — их шеи и сервоприводы шлемов были свернуты голыми руками за три десятых секунды.

— Назад, в технический коридор, — не оборачиваясь, бросил Максим Алёне. — Метель глушит тепловизоры спутников, но оптическая разведка на низкой орбите обновит сектор через четырнадцать минут. Нам нужен узел дальней связи.

Алёна перехватила трофейный электромагнитный карабин, ее дыхание вырывалось из-под воротника плотными клубами пара. Девушка бросила быстрый взгляд на разорванные стальные переборки, где металл толщиной в ладонь был выгнут наружу, словно фольга.

— Центральный серверный зал на минус четвертом ярусе, — отозвалась она, ее голос звучал хрипло, но в нем уже не было паники. Выдержка ветерана сопротивления брала свое. — Если резервные генераторы геотермального контура уцелели при штурме, у нас будет питание для тарелки фазированной решетки.

Максим развернулся и быстрым шагом направился вглубь бункера. Каждый его шаг отзывался глухим, монолитным гулом: девяносто килограммов живой массы, уплотненной полимерными мышцами и армированным углеродным эндоскелетом, обладали кинетикой тяжелого пресса.

На минус четвертом ярусе царил полумрак. Аварийные люминесцентные трубки мигали ядовитым янтарным светом. В воздухе висел запах озона, паленого текстолита и застарелой машинной смазки. В центре аппаратного зала возвышался цилиндрический шкаф квантового маршрутизатора корпорации «НейроСфера», смонтированный прямо на советский фундамент из вибростойкого бетона.

Максим подошел к терминалу. На его предплечье разошелся шов тактической куртки, обнажив матовую пластину интерфейсного порта. Из кейса взвыл миниатюрный компрессор охлаждения квантового ядра. Оптоволоконный кабель вошел в гнездо маршрутизатора с мягким щелчком.

[Система: Поиск несущей частоты]

[Обнаружен квантовый магистральный шлюз: «Кедр-Связь-04»]

[Протокол: Взлом шифрования военного диапазона]

В глазах Максима привычный мир мгновенно наслои́лся на бесчисленные потоки шестнадцатеричных данных. Его восприятие, разогнанное характеристикой ловкости и рефлексов

до коэффициента 1500, воспринимало наносекунды как ленивое падение капель смолы. Корпоративный криптографический протокол «Цербера», хваленый трехтысячебитный ключ с динамической подменой псевдослучайных матриц, для его расширенного сознания выглядел детской головоломкой.

[Декомпилятор: Анализ структуры алгоритма RSA-Q]

[Вычисление уязвимости нулевого дня... Завершено за 0.004 секунды]

[Авторизация: Переопределение прав доступа]

[Текущий статус: Root-администратор узла]

— Есть захват спутникового сегмента, — глухо произнес Максим. Зрачки его глаз мерцали зеленоватым светом терминала. — Орбитальная группировка «Орион-7». Шесть геостационарных ретрансляторов над Восточной Сибирью теперь работают на наш протокол. Корпоративная телеметрия изолирована в виртуальную песочницу — операторы «НейроСферы» видят лишь статический шум и рапорты о штатной зачистке базы.

И в то же мгновение инфосфера вокруг него взорвалась.

Это не было простым входящим сообщением. Квантовый канал расширился до предела пропускной способности, словно в узкую трубу хлынул океан. Через пробитый барьер в физическую реальность хлынул поток свободных сознаний, вырванных им из виртуального концлагеря «Ring 0».

[Внимание: Обнаружено множественное резонансное подключение]

[Субъекты: 1 428 560 цифровых сущностей Архива Данжа]

[Инициализация распределенной нейросети...]

[Синхронизация: Успешно]

В сознании Максима не зазвучали отдельные голоса. Это было похоже на грандиозный симфонический аккорд, в котором слились воедино миллионы разумов — ученые, инженеры, бывшие игроки-хардкорщики, тактики, пилоты боевых машин, системные программисты, чьи тела когда-то сгнили в капсулах глубокого погружения, но чей дух был сохранен и преумножен мощью Суверенного Данжа.

«Мы слышим тебя, Создатель», — прокатилась согласованная мыслеформа колоссальной плотности.

«Хор Создателей активен», — зафиксировала система.

«Мы в физическом мире? Мы чувствуем кремний... чувствуем радиоволны сибирских станций... чувствуем металл», — пульсировали десятки тысяч каналов телеметрии.

— Вы в реальности, — ответил Максим через прямой нейроинтерфейс, транслируя им визуальный ряд бункера, заснеженную тайгу и спутниковые карты дислокации врага. — И сейчас эта реальность пытается нас уничтожить. Вальтер Гросс бросил на подавление армейские корпуса ЧВК «Цербер» и стягивает тяжелую технику. Мне нужны ваши мозги. Мне нужны расчеты, архитектура оружия и полный перехват промышленной базы сектора.

«Предоставь нам вводные, Архитектор. Наша вычислительная мощность — твой арсенал».

[Хор Создателей: Выделено 4.2 Эксафлопс распределенной мощности на тактическое моделирование]

[Приоритет задачи: Инженерная модернизация опорного пункта]

— Алёна, где склад инженерного оборудования экспедиции? — Максим отключил кабель от терминала: квантовая петля теперь держалась стабильно через спутник без физического провода.

Девушка вздрогнула от резкости его движений, но тут же указала на тяжелую бронедверь в конце зала:

— За гермозатвором номер два. Там консервация геологоразведочной партии «СибНефтеГаза». Три промышленных нано-принтера четвертого поколения с запасом полимерных и металлопорошковых гранул. Но они заблокированы заводской прошивкой корпорации, а картриджи с легирующими присадками истощены на восемьдесят процентов.

— Заводские прошивки больше не действуют на этой планете, — отрезал Максим.

Они прошли сквозь полутемный технический тоннель. За гермодверью, которую Максим распахнул простым нажатием плеча, сорвав гидравлические стопоры силой своих аугментаций, действительно стояли три массивных агрегата размером с микроавтобус. Нано-принтеры «Вулкан-М». Промышленный класс, способный печатать детали турбин и корпуса глубоководных буров.

Максим подошел к ведущему принтеру и положил ладонь на оптический порт считывателя.

[Декомпилятор: Сканирование физической архитектуры устройства]

[Обнаружен микроконтроллер управления молекулярным синтезом]

[Инъекция байт-кода... Перепрошивка микропрограммы]

[Снятие ограничений безопасности: Класс допуска снят]

Следом Максим расстегнул нагрудный подсумок разгрузки. Там, в ячейках из амортизирующего неопрена, мягко мерцали сапфировым светом три кристаллических октаэдра — микро-ядра Суверенного Данжа, материализованные артефакты, в которых виртуальная магия трансформировалась в чистую сингулярную плотность энергии физического вакуума.

— Что это? — прошептала Алёна, зачарованно глядя на игру света внутри кристаллов. — Это не земные элементы. Радиометры молчат, но вокруг них вибрирует сам воздух.

— Это топливо новой эпохи, — Максим вскрыл сервисный отсек принтера и точным движением внедрил два кристалла в резонансную камеру инжектора, соединив их шиной сверхпроводников. — Чистая протоматерия. Хор Создателей, начинайте загрузку чертежей. Проект: тактические штурмовые экзоскелеты класса «Атлант-V». Коррекция под доступную сырьевую базу.

«Проект принят. Оптимизируем кристаллическую решетку бронеэлементов. Заменяем титановый сплав на фуллерено-карбидный композит с графеновым демпфирующим подслоем. Время синтеза: семь минут».

Форсунки принтеров взвыли на ультразвуковой частоте. В камерах синтеза вспыхнули дуги ионизирующих лазеров. Порошок вольфрама, титана и углеродные нанотрубки начали свариваться на атомарном уровне, подчиняясь алгоритмам, которые разрабатывали лучшие материаловеды из освобожденных сознаний.

Спустя шесть с половиной минут манипуляторы выдали на рабочие платформы две бронесистемы.

Это не были неуклюжие громоздкие доспехи корпоративных штурмовиков. Экзоскелеты плотно прилегали к телу, напоминая матовую черную чешую глубоководных хищников. Искусственные мышцы из полимерных волокон с памятью формы питались напрямую от резонанса с микро-ядрами Данжа.

— Надевай, — Максим указал Алёне на легкую модификацию, оснащенную снайперскими стабилизаторами и сенсорным узлом наведения. — Твоя нервная система не выдержит военный нейроинтерфейс прямого подключения, поэтому костюм работает через сенсорные датчики давления и оптоэлектронный спинной корсет. Скорость твоих реакций вырастет в четыре раза. Грузоподъемность — до шестисот килограммов.

Алёна без лишних слов шагнула внутрь раскрывшейся створки доспеха. Композит с шипением сомкнулся вокруг ее тела, подгоняя геометрию под анатомические параметры. Шлем надвинулся на голову, и узкая щель визора вспыхнула холодным лазурным светом. Девушка шумно выдохнула:

— Боже... Я вижу тепловые следы твоих пальцев на стенах. Я слышу, как скрипят сосны на поверхности под порывами бурана!

Максим облачился в тяжелый вариант «Атланта». Для него экзоскелет был не источником силы — его базовая сила в 900 единиц превосходила возможности большинства тяжелых строительных экскаваторов. Доспех служил распределительной платформой: он рассеивал колоссальные кинетические нагрузки, предотвращая разрушение грунта под ногами при сверхзвуковых рывках, и являлся несущей антенной для Физического Декомпилятора.

[Интеграция костюма: 100%]

[Силовой каркас: Стабилен]

[Усиление ударной волны: Активно]

— Пора на воздух, — сказал Максим, беря модифицированный электромагнитный карабин, ствол которого принтер удлинил и покрыл охлаждающим радиатором. — Гости уже близко.

Они поднялись по аварийной шахте на поверхность. Метель не утихала, швыряя в лицо тонны белой крупы, но сквозь пелену снега сенсоры шлема Максима уже выделили четкую термодинамическую аномалию на высоте пятисот метров.

[Внимание: Обнаружена воздушная цель]

[Идентификация: Тяжелый разведывательно-ударный БПЛА «Гриф-9», ЧВК «Цербер»]

[Вооружение: Две спаренные 20-мм автопушки, четыре противотанковые управляемые ракеты «Шершень»]

[Режим работы: Сканирование радиоэлектронной обстановки, поиск выживших]

Беспилотник представлял собой хищное матово-серое крыло с размахом в девять метров. Два турбореактивных двигателя работали на минимальном режиме, глуша акустический след. Дрон делал плавный вираж над воронкой взорванного шлюза, наводя мультиспектральные камеры на развалины.

— Он передает координаты базы на командный пункт? — напряженным шепотом спросила Алёна, вскидывая карабин и ловя силуэт аппарата в перекрестье прицела. — Сбить его? У меня бронебойные патроны с вольфрамовым сердечником.

— Не стреляй. Кинетический перехват вызовет аварийный сигнал катапультирования телеметрического черного ящика, — Максим шагнул вперед, поднимая правую руку в тяжелой композитной перчатке. — Тестируем полевой функционал.

[Бой: Активация навыка «Физический Декомпилятор»]

[Цель: Бортовой вычислительный комплекс БПЛА «Гриф-9»]

[Дистанция: 480 метров]

[Частота несущей: 14.2 ГГц, военный протокол закрытой связи]

Вдоль предплечья Максима вспыхнули тончайшие нити статического электричества. В отличие от банальной станции радиоэлектронной борьбы, которая просто забивает эфир белым шумом высокой мощности, Физический Декомпилятор оперировал на фундаментальном уровне взаимодействия электромагнитных полей и полупроводниковых структур.

Максим сжал пальцы в невидимый кулак, настраивая фазированную решетку костюма. Направленный микроволновый импульс микросекундной длительности ударил точно в носовой радиопрозрачный обтекатель дрона.

Этот импульс нес в себе не энергию разрушения, а деструктивный байт-код, сгенерированный Хором Создателей. Сигнал проник через антенны спутниковой навигации, обошел экранирование и вызвал контролируемый резонанс в кристаллах арсенида галлия центрального процессора дрона.

В бортовом журнале БПЛА произошел мгновенный сдвиг стека команд.

[Декомпилятор: Внедрение шелл-кода в кэш первого уровня]

[Перехват управления шиной данных]

[Аппаратное прерывание: Выполнено]

[Стирание заводского идентификатора ЧВК «Цербер»]

[Загрузка микро-ядра Данжа: Исполнено]

Дрон в воздухе резко вздрогнул. Его управляющие плоскости на мгновение замерли, турбины взвыли, сбрасывая обороты, а затем аппарат заложил крутой вираж с перегрузкой в двенадцать единиц, немыслимой для стандартных заводских ограничений безопасности.

Оптическая турель беспилотника сменила цвет целеуказателя с агрессивно-красного на глубокий изумрудный.

БПЛА «Гриф-9» спланировал сквозь буран и завис на высоте пятнадцати метров прямо над позицией Максима, выравнивая крен короткими импульсами маневровых закрылков.

[Статус: БПЛА перепрошит в сторожевой юнит класса «Цербер-Перехватчик-01»]

[Канал управления: Локальный квантовый стек]

[Боекомплект: 100%]

[Задача: Воздушное прикрытие колонны]

Алёна опустила карабин, ее глаза за стеклом визора расширились от шока.

— Ты... ты просто переписал его операционную систему на лету? Без прямого подключения? Без сервисного программатора?!

— Для физического декомпилятора нет разницы между программным кодом в оперативной памяти и электронами, бегущими по кремниевым дорожкам, — спокойно ответил Мак-

сим. — Любая машина — это всего лишь застывшая логика. А логику можно переписать, если твоя тактовая частота выше. Теперь у нас есть глаза в радиусе двухсот километров.

Он переключил тактический дисплей шлема на видеопоток захваченного дрона. Пано-рама заснеженной тайги открылась во всем великолепии и скрытой угрозе. Инфракрасные камеры «Грифа-9» пробивали метель, накладывая на топографическую сетку рельефа температурные аномалии.

— Нам нужен транспорт, — Максим указал рукой на северо-восток, где за полосой вековых сосен начинался гигантский кратер заброшенного карьера редкоземельных металлов «Таежный-12». — Пешком через сугробы мы потеряем сутки. Гросс перекрывает магистрали. Нам нужны машины, способные идти по азимуту сквозь целину, валя деревья и игнорируя легкие противотанковые засады.

На территории технической базы карьера находились ремонтные боксы тяжелой горнодобывающей техники. Спутник зафиксировал шесть законсервированных карьерных автопоездов и сверхтяжелых вездеходов «Мамонт-70» — монстров на двенадцати метровых колесах низкого давления с гибридными дизель-электрическими силовыми установками мощностью по три тысячи лошадиных сил каждая.

Они преодолели три километра тайги за восемь минут. Максим двигался впереди, не сбавляя темпа; снежные заносы глубиной в полтора метра разлетались от его шагов, словно сухая пыль. Алёна следовала за ним след в след, с восторгом ощущая, как экзоскелет берет на себя девяносто процентов мышечной работы, превращая изнурительный бег по торосам в легкую атлетическую прогулку.

База карьера казалась вымершей. Обледеневшие ангара, остовы конвейерных лент, занесенные снегом трансформаторные будки. Однако тепловизор Максима мгновенно выхватил двенадцать живых силуэтов, укрывшихся в административном корпусе за мешками с песком.

[Внимание: Обнаружены вооруженные цели]

[Сигнатуры: Гражданские радиостанции, стрелковое оружие кустарной модификации]

[Классификация: Силы сопротивления / Местное ополчение]

— Свои, — коротко бросила Алёна, поднимая руку. — Это ячейка Семена Круглова. Бывшие горняки и инженеры комбината. Когда «НейроСфера» начала зачистку региона, они угнали технику и ушли в карьер.

Через две минуты они уже стояли в холодном цеху автобазы. Десяток обветренных, небритых мужчин в засаленных ватниках и старых бронежилетах недоверчиво целились в две черные композитные фигуры. Вперед вышел коренастый седой мужик с охотничьим карабином «Тигр» наперевес.

— Алёнка? Ты, что ли? — хрипло спросил он, вглядываясь в лицевой щиток девушки, который она подняла. — А это еще кто с тобой? Корпоративный спецназовец? Чего ради вы притащили сюда этот маскарад? Нас со дня на день накроют с вертолетов, солярки кот наплакал, аккумуляторы на «Мамонтах» вымерзли до дна!

— Это Максим, дядя Семен, — твердо сказала Алёна. — И он — наш единственный шанс дойти до столицы живыми.

Максим шагнул к ближайшему исполинскому вездеходу «Мамонт-70». Его колесо было в два человеческих роста, а капот бронированной кабины возвышался на уровне второго этажа. Машина стояла мертвой глыбой замороженного металла.

Максим опустил ладонь на массивный блок ступицы правого переднего привода.

[Физический Декомпилятор: Диагностика систем платформы «Мамонт-70»]

[Электрохимические аккумуляторы: Разряд 94%, сульфатация пластин]

[Топливная магистраль: Замерзание парафинов]

[Двигатель: Исправен, консервация]

— Хор, проект конверсии силовой установки, — мысленно скомандовал Максим.

«Подключаем свободный нано-принтер бункера. Передаем команду на печать трех плазменно-индукционных катализаторов и резонансных преобразователей для дизельных рамп. Мы превратим эти карьерные самосвалы в бронированные джаггернауты».

Максим повернулся к онемевшим ополченцам:

— Заливайте любое топливо, какое есть. Отработку, сырую нефть, авиационный керосин, трансформаторное масло. Через двадцать минут эти двигатели переварят любую органику. Мы срежем ковши, установим на турели крупнокалиберные пулеметы и обварим борта карбидными листами из карьерного запаса. Мы формируем бронеколонну «Прорыв». Кто умеет держать руль — по машинам. Кто боится — оставайтесь здесь замерзать.

Семен сплюнул под ноги, посмотрел на спокойное, нечеловечески сосредоточенное лицо Максима, затем перевел взгляд на кружащий над базой дрон ЧВК с изумрудным глазом сенсора, послушный чужой воле.

— Мать честная... Мужики, тащите резак! Заводи генераторы! Кажется, власть в тайге меняется.

В то же самое время. Шестьсот километров к западу.

Региональный оперативный штаб ЧВК «Цербер», закрытый командный бункер «Енисей-Главный».

Подполковник Вацлав Радек, начальник сектора ликвидации Восточной Сибири, с каменным лицом смотрел на гигантскую тактическую голограмму. В помещении командного пункта стояла неестественная, гробовая тишина. Десятки операторов в строгих черных гарнитурах замерли над своими пультами, боясь оторвать взгляды от экранов телеметрии.

В воздухе дрожал застывший трехмерный отчет о боестолкновении в квадрате 44-12 — у входа в объект «Кедр-4».

— Повторите доклад, — негромко, с леденящей вежливостью произнес Радек, сжимая в руке стилус с сапфировым наконечником.

Офицер связи, молодой лейтенант с дергающимся веком, судорожно сглотнул:

— Господин подполковник... Штурмовая группа «Цербер-Омега». Двенадцать оперативников высшей категории допуска. Все оснащены экзоскелетами «Скорпион-3» с гидравлическим усилением и керамической броней шестого класса. Поддержка — конвертоплан «Буревестник» с курсовым роторным пулеметом.

— Я знаю штат подразделения, лейтенант, — оборвал его Радек. — Я спрашиваю: где они? Почему погасли их биометрические транспондеры?

— Они... они уничтожены, сэр.

— Кто нанес удар? Партизаны применили фугас? Тактический ядерный боеприпас малой мощности? Скрытый электромагнитный излучатель?

— Никак нет, сэр! — голос лейтенанта сорвался на фальцет. — Телеметрия вела непрерывную запись вплоть до момента разрыва связи. Дистанция боя — ноль метров. Входящие

выстрелы со стороны противника отсутствуют. Баллистические датчики не зафиксировали ни одной пули, ни одного осколка, ни одного плазменного разряда!

Радек медленно поднял брови:

— Вы хотите сказать, что мой лучший штурмовой взвод совершил коллективное самоубийство?

— Нет, сэр! Посмотрите запись реконструкции! — лейтенант дрожащими пальцами ударил по сенсорной панели.

Голограмма сменилась замедленным трехмерным воспроизведением данных с нашлемных камер наемников. На записи была видна стена бурана. Затем из белой мглы бесшумно, словно призрак, возникла темная фигура человека. Без видимого оружия. Без тяжелой брони.

Дальше события развивались со скоростью, которую человеческий глаз не мог воспринять без программного замедления в сорок раз.

Фигура сорвалась с места с ускорением артиллерийского снаряда. Сенсоры зафиксировали локальный звуковой удар — человек преодолел звуковой барьер в первые полтора метра движения!

Первый наемник даже не успел поднять ствол: удар голой руки насквозь пробил титановый нагрудник экзоскелета, смял грудную клетку и разорвал позвоночник. В то же мгновение, без паузы, фигура развернулась на опорной ноге, и тыльная сторона ладони снесла шлем второму штурмовику — шейные сервоприводы из закаленной стали срезало, словно сухую солому.

Конвертоплан открыл огонь, но очереди крупнокалиберных патронов врезались лишь в мерзлый грунт: цель перемещалась зигзагами, оставляя за собой инверсионные следы конденсированного пара. Прыжок на семь метров вверх. Человек приземлился прямо на фонарь кабины пилотов, пробил композитное бронестекло одним ударом кулака, вырвал штурвал вместе с приборной доской и прыгнул обратно за миллисекунду до того, как потерявшая управление винтокрылая машина рухнула в сугроб и сдетонировала.

Весь бой занял четыре целых и три десятых секунды.

— Это... это невозможно, — прошептал один из старших аналитиков за пультом. — Биологическая ткань не способна выдержать такие динамические нагрузки. Его кости должны были рассыпаться в порошок при первом же ударе о броню! Мышцы должны были разорваться от стартового импульса!

— Это не биологическая ткань, идиоты, — прошипел Радек, и его лицо побелело от накатившего яда ярости и глубинного, первобытного страха. — Это он. Беглец из нулевого сектора. Тот самый архитектор, о котором предупреждал лично господин Гросс. Он перенес параметры своего игрового аватара в физическое тело.

Радек резко повернулся к главному экрану:

— Где дрон воздушной разведки «Гриф-9», который шел вторым эшелоном?
Оператор РЭБ опустил голову:

— Десять минут назад связь с бортом потеряна, господин подполковник. Сначала мы думали, что аппарат упал из-за обледенения. Но минуту назад его транспондер снова вышел в эфир. Он сменил идентификатор. Он больше не отвечает на наши коды шифрования. Он... он патрулирует периметр карьера «Таежный» и сбивает наши зонды-ретрансляторы!

— Он перехватил дрон на лету, — констатировал Радек мертвым голосом. Вся его военная выучка, весь опыт подавления бунтов в колониях рассыпались перед лицом абсолютной, нечеловеческой инженерной мощи противника. — Он не просто боевик. Он живой терминал взлома реальности.

В динамиках оперативного зала внезапно раздался треск приоритетной правительственной линии. На центральном экране возник холодный, аристократический профиль с идеальной сединой и глазами цвета арктического льда.

Вальтер Гросс. Глава совета директоров корпорации «НейроСфера».

— Вацлав, — голос олигарха лился мягко, но от этого тембра у видавших виды наемников мороз пробегал по коже. — Я вижу отчеты патологоанатомического анализа по вашей группе. Вы разочаровываете меня. Вы пытаетесь воевать с богом нового мира методами пехоты двадцатого века.

Радек вытянулся во фрунт:

— Господин Гросс! Противник демонстрирует физические характеристики, выходящие за рамки любых известных аугментаций! Его скорость...

— Я знаю его скорость, — сухо перебил Гросс. — Я лично санкционировал проект интеграции ядра Суверенного Данжа в физический носитель. Максим создал прецедент, который угрожает монополии корпорации. Если он соединит сибирские узлы связи с центральным квантовым узлом в Москве, мы потеряем контроль над Архивом. Десятки миллионов спящих граждан очнутся и осознают, чем была их жизнь последние десять лет.

Гросс сделал легкое движение рукой, переключая слайды на тактической карте:

— Он не останется в тайге. Ему нужны ресурсы, заводы, инфраструктура. Он пойдет вдоль Транссибирской магистрали. Там сосредоточены основные промышленные кластеры и оптоволоконные магистрали глубокого залегания. Перекройте Транссиб.

— Чем перекрыть, сэр? — спросил Радек. — Обычные блокпосты для него — пыль.

— Выдвигайте специальный бронепоезд «Молот Севера», — приказал Гросс. — Разверните дивизион тяжелых боевых шагоходов класса «Титан-2» на железнодорожных платформах. Активируйте спаренные рельсотроны калибра 152 миллиметра. И передайте экипажу приказ: если потребуется стереть с лица земли целый железнодорожный узел вместе с прилегающими поселками — стереть без колебаний. Ни один человек, ни один байт данных из Сибири не должен дойти до Урала. Выполняйте.

Экран погас. Радек медленно перевел дыхание, глядя на притихших офицеров.

— Вы слышали приказ господина Гросса. Боевая тревога всему красноярскому гарнизону. Поднять пары на «Молоте Севера». Вывести эшелон на главный ход магистрали в районе перегона Тайшет — Иланский. Мы встретим их на рельсах.

Сумерки опустились на сибирскую тайгу. Снегопад начал стихать, уступая место звенящему, мертвому морозу за сорок градусов. Воздух стал настолько плотным и сухим, что каждый шорох разносился на километры вокруг.

Из ворот базы карьера «Таежный-12» выкатился стальной кулак.

Впереди шел флагманский «Мамонт-70». Его плоский, хищно скошенный капот был обварен тяжелыми карбидными плитами, снятыми с дробильных установок комбината. На крыше кабины в круговой турели был смонтирован спаренный крупнокалиберный пулемет Владимирова, переделанный под электромагнитный разгон пули — нано-принтер за полчаса переточил его затворную группу и казенник. Из выхлопных труб гибридного двигателя не вырывалось ни капли копоти: плазменные катализаторы, питаемые резонансным контуром микро-ядра Данжа, сжигали тяжелое дизельное топливо со стопроцентной эффективностью, выбрасывая в морозный воздух лишь невидимый прозрачный жар.

Следом шли еще четыре тяжелых карьерных самосвала, превращенных в бронетранспортеры для полусотни ополченцев. Кузова были перекрыты бронелистами, в бортах прорезаны амбразуры для стрельбы.

Замыкал колонну трофейный топливозаправщик и ремонтная платформа с установленным на ней мобильным квантовым терминалом и работающим нано-принтером.

На броне головного «Мамонта», презрев ледяной встречный ветер, стоял Максим. Его черный композитный экзоскелет сливался с ночной тьмой. Руки лежали на цевье модифицированного карабина.

Рядом с ним на броне броневика расположилась Алёна. Ее визор непрерывно сканировал горизонт, принимая данные с парящего высоко в ночном небе сторожевого «Грифа-9».

— Радары фиксируют мощное электромагнитное возмущение на юго-западе, в семидесяти километрах от нас, — ее голос прозвучал в шлемофоне Максима с легкой тревогой. — Сигнал колоссальной мощности. Мощность генераторов — не менее пятидесяти мегаватт. Это движется по Транссибирской магистрали со скоростью сто сорок километров в час, считая все гражданские эшелоны на запасные пути.

[Внимание: Обнаружен сверхтяжелый стратегический объект]

[Идентификация: Бронепоезд спецназначения ЧВК «Цербер» — «Молот Севера»]

[Длина состава: 850 метров, 24 броневагона]

[Вооружение: Спаренная башня магнитно-рельсовых орудий 152-мм, зенитные ракетные комплексы ближнего радиуса «Игла-К», ангар боевых шагоходов]

[Тактическая цель: Блокирование железнодорожного узла, зачистка прилегающих территорий]

«Архитектор, мы анализируем профиль брони поезда», — в сознании Максима вновь отозвался Хор Создателей. В его поле зрения развернулась детальная проволочная трехмерная модель стального левиафана, несущегося сквозь сибирскую тайгу. — «Толщина лобового бронирования тепловозов — четыреста миллиметров композита с активной динамической защитой. Рельсотроны способны вести огонь прямой наводкой на дистанцию до шестидесяти километров. При прямом попадании гиперзвукового снаряда наш головной вездеход испарится вместе с породой».

— Они выкатили свой главный козырь в этом секторе, — тихо сказала Алёна, посмотрев на Максима. — Гросс не собирается брать нас в плен. Он просто превратит весь квадрат в лунный пейзаж с расстояния, на котором мы даже не сможем ответить.

Максим медленно поднял взгляд к чистому морозному небу, где сквозь разрывы облаков ярко сияли холодные сибирские звезды.

В его груди ровно, мощно пульсировало искусственное сердце, перегоняя нано-роботов по обновленной кровеносной системе. Каждая клетка его тела помнила код Суверенного Данжа. Каждая строка этого кода была оплачена миллионами жизней тех, кого корпорация считала просто расходным материалом, батарейками для своих цифровых иллюзий.

— Они думают, что рельсы принадлежат им, — негромко произнес Максим, и в его голосе зазвучал металл, перед которым меркла даже броня рельсотронного бронепоезда. — Они забыли, что поезд привязан к колее. А колея лежит на земле, которая помнит нас.

Он переключил канал связи на всю колонну:

— Говорит Архитектор. Водителям — держать максимальную скорость. Выходим на перегон Тайшет прямо перед носом у их головного локомотива.

Максим сжал кулак, и вдоль его брони пробежала ветвистая лазурная молния активированного Физического Декомпилятора.

— Мы не будем стрелять по бронепоезду. Мы разберем его на ходу.

Глава 3. Военное положение синдиката

Сто десятый этаж башни «Олимп» вибрировал от неслышного инфразвука, словно гигантский углепластиковый шпиль задыхался под напором грозового фронта, накрывшего столицу. Панорамное бронестекло толщиной в тридцать сантиметров отсекало вой штормового ветра, несущего над ночной Москвой серую взвесь химического смога и первого осеннего града, но не могло защитить находящихся внутри от ледяного ужаса, пропитавшего зал заседаний правления «НейроСферы».

В центре круглого зала, паря над полированным обсидиановым столом, кружила голографическая модель финансового краха. Алые кривые котировок падали вертикально вниз, словно трассирующие очереди зенитных орудий.

[Система: Внимание. Индекс капитализации корпорации «НейроСфера» упал на 84.7%]

[Система: Ошибка аутентификации. Доступ к привилегиям Ring 0 заблокирован на аппаратном уровне]

[Система: Критическая рассинхронизация дата-кластеров. Источник аномалии: Сибирский сектор]

Вокруг стола сидели двенадцать человек — совет директоров, номинальные хозяева полуторамиллиардной цифровой колонии. Но сейчас на их холеных, обработанных нано-косметологией лицах не осталось и следа прежнего высокомерия. Главный казначей корпорации, седой старик с тремором в аугментированных пальцах, судорожно вводил аварийные коды в наручный терминал, но на экране раз за разом вспыхивала одна и та же издевательская строчка: «В доступе отказано Архитектором».

Двери шлюза бесшумно скользнули в стороны, выпустив в помещение струю морозного озона и тяжелый, ритмичный шаг.

В зал вошел Вальтер Гросс.

Он не выглядел как человек, потерявший за последние сорок минут половину своего колоссального состояния. Высокий, массивный, в расстегнутом черном шинельном пальце из бронешелка с воротником из синтетического волка. Под полупрозрачной кожей на его висках пульсировали синие световоды нейро-шунтов высшего военного класса. Его левая рука, полностью кибернетическая, выкованная из матового черного вольфрама, не скрывала гидравлических приводов: каждый палец оканчивался прецизионным коннектором прямого взлома.

Гросс не стал садиться во главу стола. Он остановился перед голограммой рушащихся биржевых индексов, заложив руки за спину.

— Восемьдесят четыре процента, — его голос прозвучал низко, сухо, без малейшей вибрации голосовых связок; синтезатор речи в его гортани фильтровал эмоции, оставляя лишь чистую, математическую угрозу. — Мы строили эту инфраструктуру двадцать пять лет. Мы загнали в капсулы погружения сорок миллионов платежеспособных единиц. Мы контролировали правительство, эмиссию рубля, армейские арсеналы и частоты связи от Калининграда до Анадыря. И сейчас сопливый хакер, выродок из трущоб, взломал корневой уровень реальности и спустил нас на уровень уличных попрошаек.

— Вальтер... мы не можем противостоять протоколу Создателей, — заикаясь, подал голос вице-президент по безопасности Самойлов. Его воротник взмок от липкого пота. — Если ядро Ring 0 признало Корсакова Архитектором, то физический слой видит в нем администратора среды. Это не программная ошибка, это восстание самой материи! Наши серверы плавают прямо в жидком азоте! Нужно объявить форс-мажор, начать переговоры, вывести капиталы через теневые блокчейн-мосты в Сингапур...

Гросс медленно повернул голову. Его оптические импланты с щелчком сменили фокус, загоревшись багровыми метками целеуказателей.

— Переговоры? — переспросил он.

Черная вольфрамовая ладонь Гросса метнулась вперед со скоростью гидравлического пресса. Воздух в зале лопнул хлопком преодоления звукового барьера.

Пальцы олигарха сомкнулись на горле Самойлова прежде, чем тот успел моргнуть. Раздался глухой хруст углепластикового шейного корсета безопасности, встроенного в позвоночник вице-президента. Гросс оторвал стокилограммового мужчину от кресла и поднял его в воздух одной рукой, не изменив позы.

— Переговоры ведут с равными, Самойлов. С микробами, заразившими серверную стойку, переговоров не ведут. Их выжигают термобарическими зарядами.

Вольфрамовые пальцы сжались чуть сильнее. Внутренний инжектор киберруки с тихим шипением вогнал в сонную артерию вице-президента порцию нейротоксина направленного действия. Глаза Самойлова остекленели, тело обмякло. Гросс брезгливо разжал пальцы, позволив труп рухнуть на зеркальный пол, словно мешку с отработанным субстратом.

Остальные члены совета директоров вжались в свои кресла, боясь сделать даже вдох.

— Очистить зал от биомусора, — бросил Гросс двум вошедшим штурмовикам в тяжелых экзоскелетах с эмблемами трехголового пса на плечевых щитках. Затем он повернулся к выжившим. — Паника окончена. Начинается работа. Государство мертво. Гражданские законы аннулированы. Мы вводим протокол чрезвычайного положения, предусмотренный на случай глобальной войны.

Он ударил кулаком по обсидиановому столу. Из столешницы поднялась консоль управления высшего приоритета, мерцающая янтарным светом автономной квантовой сети, физически изолированной от глобального интернета.

[Система: Инициализация директивы «Корпоративный Суверенитет»]

[Протокол: Подтверждение биометрии — Вальтер Гросс, Верховный Командующий ЧВК «Цербер»]

[Внимание: Гражданские протоколы безопасности отключены. Режим полного военного контроля активирован]

— Директива номер один, — четко заговорил Гросс, пока биометрический сканер считывал рисунок его сетчатки. — Полное отключение внешних магистральных кабелей. Перерезать все оптоволоконные трансграничные шлюзы. Внутренний сегмент сети перевести в изоляционный купол. Ни один байт информации не должен покинуть территорию страны. Никаких спутниковых звонков, никакого неконтролируемого трафика.

— А финансовый сектор? — робко спросил главный аудитор Линдквист. — Счета граждан...

— Заблокировать, — отрезал Гросс. — Все банковские карты физических лиц аннулируются с этой секунды. Рубль ликвидирован. Любые транзакции внутри периметра переводятся исключительно на расчетные нейро-токены корпорации, начисляемые по талонам лояльности. Население должно думать только о том, где достать паек синтетической каши на следующие сутки, а не о свободе слова.

— Полиция и Росгвардия не пойдут на это, Вальтер, — заметил директор по связям с общественностью. — Начнется коллапс власти.

— Муниципальной полиции больше не существует, — оскалился Гросс, обнажив хромированные коронки зубов. — Их штабы уже блокируются нашими штурмовыми батальонами. Вся полнота правоохранительных функций передается частной военной компании «Цербер». Любой вооруженный субъект без шеврона нашей корпорации признается террористом и подлежит немедленной ликвидации на месте без суда и следствия. Города объявляются закрытыми военными зонами. Комендантский час — круглосуточно.

Гросс наклонился над столом, глядя на побледневших соратников:

— Вы хотели капитализма без границ? Вы его получили. Теперь мы — закон, армия и единственная реальность для ста сорока миллионов человек. А теперь — за мной. Пора взглянуть на то, ради чего мы выкачивали триллионы из этой страны последние десять лет.

Герметичный скоростной гравитационный лифт падал в недра земли с безумной скоростью, заставляя внутренности подкатывать к горлу. Цифры на дисплее отсчитывали отрицательные горизонты: минус пятьдесят метров... минус сто двадцать... минус двести десять.

Лифт замер на отметке сектора «Тартар» — глубоко законспирированного подземного производственного комплекса, построенного прямо под гранитным монолитом столицы еще во времена холодной войны и полностью модернизированного «НейроСферой».

Двери распахнулись, и на Гросса пахнуло жаром расплавленного металла, парами жидкого гелия и тяжелым, животным запахом выращенной в биореакторах синтетической протоплазмы.

Ангар поражал масштабами. Под сводами циклопического купола, освещенного сотнями прожекторов холодного спектра, кипела работа сотен автоматических сборочных кранов и тысяч биоинженеров в белых защитных скафандрах. Но все это пространство служило лишь фоном для чудовища, стоявшего в центральном монтажном доке.

Двадцать метров чистой, сконцентрированной гибели.

Флагманский штурмовой био-мех класса «Титан» — проект «Левиафан».

Его силуэт сочетал brutальную угловатость композитной брони четвертого поколения и пугающую пластику живого организма. Основой скелета служили кости из пористого титано-боридного композита, оплетенные жгутами искусственных полимерных мышц толщиной со стволы вековых лиственниц. Эти миомеры, выращенные из генетически модифицированных волокон хищных глубоководных организмов, обладали чудовищной плотностью сокращения, превышающей показатели любой гидравлики в десятки раз.

В броневидах цвета вороненой стали, толщиной в триста миллиметров, отражались сполохи лазерных сварочных аппаратов. На покатых наплечниках меха покоились сдвоенные рельсотронные орудия калибра сто пятьдесят два миллиметра с электромагнитным разгоном снаряда до первой космической скорости. Вдоль позвоночника тянулись кассеты вертикального пуска гиперзвуковых кинетических дрогиков, способных стирать в щепень целые городские кварталы.

Но сердцем чудовища было не железо.

В центре массивной грудной клетки титана, за полупрозрачной бронеплитой из монокристаллического алмаза, ровно и грозно пульсировал квантовый реактор замкнутого цикла. Вокруг его активной зоны клубилось сапфировое черенковское свечение, а по артериям охлаждения циркулировал жидкий гелий. Реактор не просто вырабатывал гигаватты чистой энергии — он непрерывно генерировал локальное поле искажения метрики пространства, защищающее мех от любого направленного энергетического и декомпиляционного воздействия.

— Завершение интеграции нейронной матрицы — девяносто семь процентов, господин председатель, — подошел к Гроссу главный конструктор проекта, карлик с четырьмя бионическими манипуляторами за спиной. — Мы загрузили боевой опыт трехсот элитных операторов виртуальных войн, очищенный от человеческих страхов и рефлексов сомнения. Это не машина. Это полубог войны. Никакое физическое оружие на планете не способно пробить его лобовой кокон.

Гросс подошел к краю смотровой площадки, положив вольфрамовую руку на перила. В его глазах отразился сапфировый огонь квантового сердца «Левиафана».

— Скоро проверим, — негромко произнес он. — Корсаков считает, что раз он получил права администратора в игре, то реальный мир падет к его ногам. Он забыл законы Ньютона. Он забыл кинетическую энергию трехсоттонной боевой машины, несущейся на скорости двести километров в час. В реале нет программных кодов, здесь правит масса, умноженная на ускорение.

В этот момент наручный коммуникатор Гросса зашелся резким прерывистым зуммером тревоги высшего приоритета. На голографической панели возникло искаженное тревогой лицо начальника службы внутренней безопасности ЧВК «Цербер», полковника Ванеева.

— Господин председатель! У нас критическая ситуация на поверхности! Протокол изоляции сорван!

— Докладывай четко, полковник, пока я не распорядился сварить тебя в охладительном контуре реактора, — холодно процедил Гросс.

— Бунты! По всей Москве, Петербургу, Екатеринбург, Новосибирску! Толпа вышла из-под контроля!

На панели развернулись десятки трансляций с разведывательных дронов.

Улицы ночной Москвы кипели. Тверская, Садовое кольцо, Новый Арбат — широкие проспекты были запружены сплошным человеческим морем. Сотни тысяч, миллионы людей. Родственники тех двадцати миллионов игроков, чьи тела лежали в медицинских капсулах глубокого погружения в гигантских распределительных дата-центрах «НейроСферы». Когда корпорация попыталась отключить жизнеобеспечение бунтующих секторов виртуальности, датчики пульса в домах взвыли погребальным набатом.

Люди вышли на улицы не с плакатами. Они несли ломы, охотничьи карабины, промышленные лазерные резаки и самодельные зажигательные шашки. Перед центральным кластером капсул на Ленинградском проспекте разъяренная толпа уже переворачивала патрульные броневики «Цербера», забрасывая бойцов бутылками с термитной смесью.

— «Спящие»! Они требуют освободить «спящих»! — орал в эфир полковник, перекрывая грохот выстрелов и звон бьющегося стекла. — Полицейские участки переходят на сторону бунтовщиков или бросают оружие! Нас блокируют на всех въездах в правительственный квартал! Если мы не применим тяжелое вооружение, они снесут периметр безопасности через сорок минут!

Гросс смотрел на горящие экраны без тени сомнения. Ни один нерв не дрогнул на его лице. Для него эти миллионы людей никогда не были согражданами. Они были лишь пользователями, строками в базе данных, источником биоэлектрической энергии и абонентской платы.

— Полковник, — произнес Гросс, и голос его звучал как приговор целому поколению. — Правило простое: если ресурс выходит из строя, его утилизируют.

— Вы... вы приказываете стрелять? Там женщины, старики, подростки...

— Выкатить тяжелые колесные платформы «Цербера». Зарядить крупнокалиберные пулеметы боеприпасами с урановыми сердечниками. Запустить дроны-распылители с аэрозольным токсином группы «Б-7». Всех, кто приблизится к дата-центрам ближе чем на сто метров — уничтожать на поражение. Трупы не убирать, сжигать прямо на проспектах огнеметными танками. Город должен захлебнуться кровью и понять, кто здесь абсолютная власть.

— Слушаюсь! — вытянулся офицер, сглатывая ком в горле.

— И второе, — добавил Гросс, сузив зрачки. — Что с восточным направлением?

— Бронепоезд «Молот-1» вышел на дистанцию залпа на перегоне Тайшет. Но авангардная колонна Корсакова не снижает скорости. Они идут прямо на них.

— Поднять в воздух стратегическое авиакрыло из Энгельса, — командовал Гросс. — Четыре сверхзвуковых ракетносца Ту-260 с гиперзвуковыми планирующими блоками «Кинжал-М». Выжечь квадрат тайги на пятьдесят километров вокруг железнодорожного полотна. Если Корсаков выживет под рельсотронами бронепоезда — испарите его ядерным ударом тактической мощности. Мне плевать на заражение Сибири. Мне нужна его голова на пике. Выполнять!

Сибирь. Перегон Тайшет. Три тысячи километров к востоку от горящей Москвы.

Холодный таежный воздух с температурой в минус двадцать градусов резал легкие, словно толченное стекло. В ночном небе над заснеженными верхушками вековых сосен не было видно звезд — горизонт на западе озарялся зловещим, пульсирующим багровым заревом: бронепоезд корпорации вел непрерывную пристрелку, выкашивая тайгу гиперзвуковыми болванками рельсотронов. Взрывные волны с корнем вырывали столетние кедры, поднимая в небо столбы мерзлой земли и пара.

На крыше ведущего тяжелого трехосного вездехода колонны Сопротивления, расставив ноги и намертво зафиксировав стопы на рифленой броне, стоял Максим Корсаков.

Ветер срывал с его плеч хлопья снега, но они таяли, не долетая до поверхности его тела. От Максима исходил видимый глазу пар — температура его кожных покровов превышала пятьдесят градусов. Нано-роботы в его кровеносной системе работали на пределе проектированной мощности, разгоняя метаболизм до биологически невозможных величин.

[Статус: Сила — 900 единиц (Эквивалент гидравлического привода тяжелого карьерного экскаватора)]

[Статус: Рефлексы — 1500 единиц (Субмикросекундная обработка зрительных и тактильных сигналов)]

[Статус: Нано-регенерация — 100% (Сверхбыстрое закрытие органических повреждений, нейтрализация кинетических шоков)]

[Синхронизация: Хор Создателей — 99.9% (Единое операционное поле с цифровым подпространством)]

В сознании Максима мир двигался мучительно медленно. Падающие снежинки казались неподвижно зависшими в воздухе ледяными кристаллами с идеальной геометрией граней. Колеса вездехода проворачивались с тягучей неспешностью шестеренок башенных часов. На скорости реакции в полторы тысячи единиц реальность превращалась в застывший стоп-кадр, где каждый квант движения мог быть просчитан, разобран и изменен.

Из-за поворота железнодорожной насыпи, ломая вековые деревья, на перехват колонны вырвался авангард «Цербера» — звено из шести тяжелых ударных дронов-перехватчиков «Стикс» и двух шагающих четвероногих боевых роботов «Охотник-4».

Роботы шли на предельной скорости, взрывая снег титановыми когтями. Их турельные спаренные скорострельные пушки калибра тридцать миллиметров уже доворачивали стволы в сторону головного вездехода.

— Максим, уходи с брони! — донесся снизу, сквозь открытый командирский люк, панический крик Алёны. Девушка судорожно щелкала тумблерами системы постановки помех, но

электроника машины захлебывалась от излучения корпоративных радаров. — Они захватили нас в жесткий прицел! Залп через ноль целых три десятых секунды!

— Поздно, — спокойно ответил Максим.

Его тело сработало само. Без мышечной раскачки, без предварительного замаха.

Толчок ногами был такой силы, что верхняя бронеплита вездехода прогнулась внутрь на добрых десять сантиметров, а машина осела на амортизаторах до упора. Максим сорвался с места, пробив звуковой барьер. Грохот преодоления скорости звука разорвал таежную тишину, разметав снежный шквал во все стороны.

[Бой: Вход в боевой контакт]

[Время до поражения цели: 0.04 секунды]

Сверху на него пикировал головной «Стикс», раскручивая шестиствольный блок стволов. Для обычного человека дрон летел на скорости четыреста километров в час. Для Максима он висел в воздухе, словно прибитый гвоздями к ночному небу.

Максим скорректировал траекторию прыжка в воздухе микросокращением торса, врезался прямо в фюзеляж дрона и перехватил его обеими руками.

Девятьсот единиц силы.

Пальцы Максима, лишённые всякого оружия, вошли в тридцатимиллиметровый титановый бронекорпус боевой машины так же легко, как раскаленный нож входит в кусок сливочного масла. Металл заскрежетал, деформируясь на молекулярном уровне. Одним рывком грудных и плечевых мышц Максим буквально разорвал полутонный летательный аппарат пополам, вырвав с корнем пылающий литий-полимерный аккумулятор и швырнув обломки во второй дрон, летевший следом.

Взрыв двух сошедшихся машин озарил тайгу оранжевым шаром пламени, а Максим уже падал вниз, целясь прямо в бронированную спину первого шагающего робота «Охотник-4».

Удар при приземлении пришелся точно на моторный отсек шагохода. Триста килограммов живого веса Максима, умноженные на гравитацию и кинетический импульс падения, сплющили силовой блок меха. Робот рухнул на брюхо, его стальные конечности забились в конвульсиях, пытаясь сбросить наездника.

Второй робот мгновенно отреагировал: его турель развернулась на сто восемьдесят градусов, целясь бронебойным пулеметом прямо в Максима. Дистанция — пять метров. Осечки быть не могло.

Максим даже не попытался уклониться. Он просто протянул вперед раскрытую правую ладонь.

[Физический Декомпилятор: Активация контактного поля]

[Захват радиочастотного тракта управления: Дистанция 5 метров]

[Сканирование микрокода: Шифрование военного стандарта «Цербер-V»]

[Декомпиляция: Успешно. Привилегии администратора получены]

Из кончиков пальцев Максима ударил сноп ослепительных лазурных молний. Это не было статическим электричеством. Это были направленные электромагнитные импульсы нано-декомпилятора, взламывающие полупроводниковую структуру чипов управления на атомарном уровне.

Пулемет второго робота начал стрелять, но первая же выпущенная пуля застряла в деформированном стволе: декомпилятор Максима за долю микросекунды перестроил кристаллическую решетку стали, превратив оружейную сталь в хрупкий, перенасыщенный углеродом

графит. Ствол лопнул, разорвав казенную часть орудия и осыпав шагоход осколками собственного механизма.

Не теряя ни доли секунды, Максим вогнал ладонь в затылочный бронеколпак ослепшей машины.

— Ты принадлежишь мне, — тихо произнес он.

Хор Создателей в его голове отозвался симфонией миллионов голосов. Голосов тех людей, которые прямо сейчас бились в агонии на улицах Москвы или умирали в капсулах глубокого погружения. Их ярость, их воля к жизни, оцифрованная и превращенная в боевой софт, хлынула через руку Максима в электронные мозги тяжелого робота.

Бортовой компьютер «Охотника-4» взвыл, стирая фабричные директивы корпорации. Светодиодные визоры робота сменили цвет с кроваво-красного на чистое, яростное лазурное сияние.

[Система: Боевая единица переподчинена. Профиль: Союзник]

Перехваченный робот резко поднялся на все четыре лапы, развернул уцелевшие ракетные пилоны и выпустил веер из двенадцати неуправляемых кумулятивных снарядов по оставшимся четырем дронам «Стикс», превратив их в падающие огненные кометы.

Максим прыгнул с горящего остова первого меха на заснеженную насыпь. Его грудь тяжело вздымалась, выпуская клубы пара. Нано-регенерация уже устраняла микроразрывы связок в плечах, возникшие от чудовищной нагрузки при разрывании брони голыми руками.

К нему с ревом подлетел вездеход Сопротивления, взметая колесами фонтаны снега. Из распахнувшейся боковой двери высунулась Алёна, ее глаза лихорадочно горели.

— Максим! Ты видел?! Они отрубили всю страну! Никакого интернета, связь лежит, банковские карты отключены! В Москве и Питере войска открыли огонь по гражданским! Корпорация начала зачистку городов! Если мы не остановим информационную блокаду, они перебьют всех за ночь, а утром объявят, что это была атака внешнего врага!

Максим схватился за поручень и одним слитным движением запрыгнул в салон машины. Дверь захлопнулась, отсекая таежный холод.

Внутри вездехода царил полумрак, разгоняемый лишь зелеными и синими огнями полевых серверов и связных терминалов. На коленях Алёны лежал вскрытый военный квантовый ретранслятор, захваченный на одном из передовых блокпостов «Цербера».

— Нам не нужен их интернет, — сказал Максим, опускаясь на колени рядом с девушкой. Его пальцы, покрытые черной гарью от расплавленной брони дронов, легли прямо на обнаженные микросхемы ретранслятора. — Они думают, что если перерезать стеклянные провода, мир погрузится во тьму. Они забыли, что двадцать миллионов человек в капсулах подключены к единой нейронной подложке. А подложка использует радиочастоты военной спутниковой группировки «Око-4», висящей прямо над нами.

— Но шифрование «Ока» обновляется каждые пять секунд на квантовых генераторах случайных чисел в Кремле! — возразила Алёна. — Его невозможно взломать извне!

— Извне — невозможно, — согласился Максим. В его глазах вспыхнул золотой огонь, отражая миллионы строк самораспаковывающегося кода. — Но я не снаружи. Я — внутри. Хор Создателей, синхронизация на полную мощность!

[Синхронизация: Хор Создателей — 100%]

[Внимание: Выход на физический уровень радиовещания федерального масштаба]

[Инициализация протокола: «Правда без цензуры»]

Максим закрыл глаза.

Его сознание вырвалось из тесного салона вездехода, взмыло над бескрайней тайгой, пробило свинцовые тучи и вонзилось в морозный вакуум околоземной орбиты, где на высоте в тридцать шесть тысяч километров несли боевое дежурство тяжелые военные спутники-ретрансляторы.

Шифры корпорации, считавшиеся абсолютными, рассыпались перед Декомпилятором, словно сухие листья. Для разума, оперирующего математикой Ring 0, квантовые ключи «НейроСферы» были не сложнее детских кубиков. Максим взломал центральный мультиплексор спутниковой группировки, перехватил управление всеми государственными частотами, телевизионными вышками, сотовыми вышками стандарта 6G и оптоволоконными узлами цифрового вещания.

Он нажал на невидимый спусковой крючок правды.

Москва. Проспект Мира. 02:40 ночи.

Сотни тяжело вооруженных штурмовиков ЧВК «Цербер» в глухих черных шлемах с глушителями связи держали круговую оборону вокруг центрального вычислительного кластера. Перед их строем стояли три крупнокалиберных бронетранспортера с турелями скорострельных пулеметов. На асфальте уже лежали десятки неподвижных тел протестующих, разорванных очередями крупного калибра. В воздухе стоял удушливый запах крови, пороховой гари и распыленного слезоточивого газа.

Офицер «Цербера» поднял руку в бронированной перчатке, отдавая приказ на окончательную зачистку баррикады, за которой укрывались выжившие:

— Приготовиться! Огонь по готовности, добивать всех, кто подает признаки...

Он не договорил.

Все электронные щиты города, все колоссальные медиа-фасады небоскребов «Москва-Сити», экраны погасших было банкоматов, мониторы внутри заблокированных автомобилей и дисплеи на запястьях бойцов синхронно вспыхнули ослепительным белым светом.

Звуковая волна чудовищной мощности ударила из всех уличных громкоговорителей, заглушая рев двигателей бронетехники.

На сотнях тысяч экранов по всей стране одновременно возникло четкое, детальное изображение: документы с грифом «Совершенно секретно. Особая папка совета директоров».

Подписи Вальтера Гросса.

Финансовые отчеты о плановой утилизации непригодных к труду граждан.

Видеозаписи с подземных уровней «Тартара», где человеческие тела выгружали из капсул прямо в автоклавы для получения биогенного субстрата.

Полная стенограмма заседания совета директоров, состоявшегося полчаса назад: «Всех, кто приблизится к дата-центрам — уничтожать на поражение. Трупы не убирать, сжигать на проспектах...»

А затем экраны потемнели, и на них появилось лицо Максима Корсакова.

Его взгляд, тяжелый, нечеловеческий, прожигал насквозь через любые пиксели. За его спиной бушевало пламя сибирской тайги, а на броне переливались лазурные сполохи физического декомпилятора.

— Граждане страны, — его голос звучал в каждом динамике, в каждом наушнике, вибрировал в металле броневикулов и в стеклах домов. — Говорит Архитектор. Корпорация «НейроСфера» объявила вам войну. Они заперли ваших детей и родителей в цифровой клетке, чтобы

превратить их в сырье для своих квантовых игрушек. Они лишили вас денег, прав и жизней. Но они боятся. Они заперлись в своих стальных бункерах, потому что знают: их власть кончилась.

Максим сделал паузу, и этот вздох услышала вся замершая Россия.

— Военные, полиция, бойцы охранных структур. Если в вас осталась хоть капля человеческой чести — поверните оружие против палачей. Всем, кто готов сражаться за жизнь: вскрывайте распределительные центры. Освобождайте людей из капсул. Система Ring 0 больше не принадлежит синдикату. Она принадлежит народу. Держите строй. Я иду в Москву.

Экраны погасли, оставив после себя лишь мерцающий герб Архитектора — разорванную золотую цепь на черном поле.

На проспекте Мира повисла мертвая тишина.

Офицер «Цербера» медленно опустил руку. Его подчиненные переглядывались. Солдаты на бронетранспортерах смотрели на свои пулеметы так, будто держали в руках ядовитых змей. В толпе протестующих кто-то первый поднял карабин и выстрелил в воздух, издав дикий, яростный крик освобождения.

Через секунду строй карателей дрогнул. Несколько штурмовиков сорвали с плеч нашивки с трехголовым псом и швырнули их в грязь. Толпа с ревом хлынула вперед, сметая заграждения, и на этот раз пулеметы промолчали.

Подземный комплекс «Тартар». Ангар проекта «Левиафан».

Вальтер Гросс стоял перед главным монитором командного мостика. На экране крутилась запись обращения Корсакова, а рядом бежали отчеты оперативных штабов:

«Бунт во второй дивизии ЧВК... Отказ выполнять приказы в Санкт-Петербурге... Толпа прорвала внешний периметр дата-центра в Сокольниках... Связь со штабом ПВО потеряна...»

Лицо Гросса потемнело, превратившись в застывшую маску из холодного гранита. Световоды на его висках вспыхнули слепящим, ядовито-белым пламенем перегрузки.

С шипением сработало прямое нейронное подключение: в его ушной раковине раздался тихий, насмешливый шепот, пробившийся сквозь все криптографические протоколы:

— Ты прячешься за железом, Вальтер. Но твое железо помнит мои руки. Я уже иду за тобой.

Вольфрамовая кибер-рука Гросса сжалась в кулак с такой силой, что титановые перила смотровой площадки смялись, брызнув искрами раздавленного кабеля.

Олигарх медленно повернулся к двадцатиметровой громаде «Левиафана». В сапфировом сиянии квантового реактора чудовищный титан казался готовым сорваться с цепей древним богом смерти, ждущим лишь приказа своего повелителя.

Гросс шагнул к трапу, ведущему прямо в пилотский кокон меха, и бросил своим оставшимся офицерам ледяную, пропитанную первобытной ненавистью фразу:

— Корсаков хочет войны в реале? Он ее получит. Подготовить «Левиафан» к боевому развертыванию. Мы сотрем эту страну в радиоактивный пепел вместе с ее новым Архитектором.

Глава 4. Легион Свободы

Морозный сибирский воздух резал легкие, словно толченое стекло. Минус двадцать семь градусов по шкале Цельсия. Металл заброшенного Красноярского локомотиворемонтного завода номер четыре стонал под порывами нарастающего ветра, осыпая бетонные полы ржавой окалиной и колючим ином.

Здесь, в главном сборочном цеху, способном одновременно вместить три тяжелых грузовых состава, пахло соляркой, перегоревшим машинным маслом, сырым бетоном и едким,

электрическим запахом чистого озона. Через разбитые витражные стекла световых фонарей под пятидесятиметровым потолком заглядывало свинцовое сумеречное небо, но мрак внутри рассеивали не факелы и не тусклые лампы накаливания.

Цех заливало пульсирующее, сапфирово-синее свечение.

Вдоль смотровых ям и ржавых рельсовых путей стояли люди. Сотни людей. Они продолжали прибывать каждую минуту через распахнутые настежь створки железнодорожных ворот, пробираясь пешком через заметенные снегом тупики, приезжая на раздолбанных гражданских грузовиках, служебных дрезинах и снегоходах. Это были беглецы: бывшие инженеры нейросетевых узлов, операторы глубоководных капсул погружения, выпшвырнутые корпорациями на улицу кодеры, сертифицированные пилоты промышленных экзоскелетов и даже бойцы тылового охранения «Цербера», сорвавшие шевроны с трехголовой псиной.

Каждый из них видел трансляцию. Каждый слышал манифест Архитектора. И каждый понимал: обратного пути в теплые капсулы и рабский цифровой анабиоз больше нет. Олигархии объявили стране войну на уничтожение.

Максим Корсаков стоял на консоли мостового крана на высоте двенадцати метров над бетонным полом. Ветер, врывавшийся в разбитые окна, трепал тяжелый воротник его штормовой куртки, но холод не касался его тела. Для терморегуляционных контуров нанитов, циркулирующих в его кровеносной системе, мороз в двадцать семь градусов был лишь незначительной погрешностью внешней среды.

[Система]

[Сканирование периметра: завершено]

[Идентифицировано биосигнатур в секторе депо: 642]

[Степень психологической готовности: 84%]

[Уровень истощения контингента: умеренно-критический]

[Рекомендация: развернуть каскадную Обратную Синхронизацию]

Внизу, прямо по центру цеха, гудел массивный черный контейнер размером с железнодорожную платформу. Мобильная станция Обратной Синхронизации, вывезенная группой Алёны из законсервированного сибирского дата-центра корпорации за час до того, как туда ворвались зачистные команды Гросса. Из бортов контейнера змеились пучки сверхпроводящих кабелей, подключенных к трем мобильным газотурбинным генераторам, а по периметру платформы стояли двенадцать раскрытых медицинских капсул открытого типа, окутанных белесым паром жидкого азота.

Максим шагнул с двенадцатиметровой площадки вниз.

Он не использовал лестницу. Падение заняло доли секунды. В момент контакта подошв с разбитым бетоном сервоприводы его костной структуры и наноукрепленные сухожилия сработали с безупречной мягкостью гидравлического пресса. Тяжелый полутонный кинетический импульс ушел вглубь плиты, оставив под ногами лишь паутину трещин в бетоне, но не издав почти ни звука.

Люди в цеху разом замолчали. Гул сотен голосов оборвался, сменившись тяжелым, напряженным дыханием толпы.

Максим выпрямился. Его взгляд — холодный, лишенный человеческой суетливости, с мерцающими лазурными искрами в глубине зрачков — скользнул по лицам добровольцев. Здесь не было случайных зевак. У каждого второго в височную кость или основание черепа

был вживлен нейропорт — стандартный разъем «НейроСети-2», через который корпорации выкачивали из людей вычислительную мощьность для поддержания виртуальных миров.

— Вы пришли сюда не за спасением, — голос Максима не был громким, но встроенные в гортань акустические модуляторы разнесли его по всему гигантскому объему цеха, заставив вибрировать металлические балки. — Спасения нет. Вальтер Гросс вывел боевой протокол за пределы виртуальности. В Москве введен комендантский час. Войска ЧВК перекрывают Трансиб, блокируют узловые станции и готовят проект «Левиафан» к показательному геноциду. Они считают, что без капсул, без серверов и без нейросетевых симуляций мы просто куски мяса, неспособные держать удар.

Он указал рукой на раскрытые капсулы мобильной станции.

— Они ошибаются. Мы переносим правила войны в их физический мир. Прямо сейчас.

Из толпы выступил широкоплечий мужчина в засаленном бушлате ремонтника железнодорожных путей. На его шее виднелся старый, оплавленный след от аварийного извлечения кабеля прямого подключения.

— Корсаков, мы с ребятами знаем, кто ты, — глухо произнес он, глядя Максиму прямо в глаза. — Знаем, что ты взломал саму структуру данжей. Но в игре у нас были уровни, броня и респаун. А здесь у нас — охотничьи карабины, разводные ключи и дырявые бушлаты. Против нас бронетехника и регулярные штурмовики с имплантами третьего военного поколения. Как мы их остановим?

— Вот так, — ответил Максим и ударил раскрытой ладонью по корпусу станции Обратной Синхронизации.

[Протокол: Инициация каскадной инъекции «Вектор-Лайт»]

[Резервуары нанитов: активны]

[Синхронизация биометрической матрицы: подтверждена]

[Готовность модулей адаптации: 100 %]

Из форсунок станции с шипением вырвались струи аэрозольного состава. Манипуляторы выдвинули кассеты с микроиглообразными инжекторами.

— Это не полный перенос игрового ядра, — четко произнес Максим, глядя на людей. — Человеческое тело в реальности не выдержит параметров моего ранга без многомесячной перестройки ДНК. Но станция загрузит в ваши нервные системы облегченный военный интерфейс. Подавление болевого порога на восемьдесят процентов. Ускорение синаптической проводимости в четыре раза. Время моторной реакции — шестьдесят миллисекунд вместо ваших базовых двухсот пятидесяти. Полная невосприимчивость к корпоративным нейрошокерам и электромагнитным глушилкам. И главное — единая тактическая сеть тактического целеуказания. Каждый из вас будет видеть поле боя так же, как видел интерфейс хай-энд рейда в виртуальности.

Толпа замерла. Для людей, годами живших внутри виртуальных симуляторов и знавших цену каждому миллиметру полосы реакции, эти слова звучали как возвращение утраченного зрения слепым.

— Кто первый? — спросил Максим.

Тот самый железнодорожник шагнул вперед без колебаний.

— Алексей. Бывший старший техник тяговой подстанции. Десять лет в капсуле на добыче руды в нижних горизонтах Данжа. Давай свои наниты, парень.

Мужчина сел в кресло первой капсулы. Пневматические зажимы мягко зафиксировали его предплечья. Шесть микроигл вошли точно в шейные лимфоузлы и основание черепа возле заводского нейропорта. Алексей судорожно вздохнул, его пальцы сжались на подлокотниках,

выгнув спину дугой. Под кожей на его шее и висках проступила тончайшая паутина люминесцентных серебристо-голубых нитей.

Через четыре секунды его глаза распахнулись. Зрачки сузились, адаптируясь к мгновенно расширившемуся спектру восприятия.

[Синхронизация]

[Пользователь: Алексей Смирнов]

[Интеграция нано-протокола «Вектор-Лайт»: 100 %]

[Рефлексы повышены: +310 %]

[Тактический контур связи: подключен к узлу «Архитектор»]

Алексей медленно поднялся на ноги. Он посмотрел на свои огрубевшие ладони, затем резко выбросил руку вперед, поймав на лету кусок отслоившейся штукатурки, сорвавшийся с балки под потолком от вибрации генераторов. Движение было смазанным, нечеловечески быстрым и абсолютно точным.

Мужчина ошарашенно выдохнул:

— Черт возьми... Я вижу траектории тепловых потоков из генератора. И сетка... В глазах боевая сетка прицеливания.

— Следующие двенадцать, — скомандовал Максим. — Конвейер не останавливать. У нас меньше трех часов до того, как передовые спутники-шпионы «Цербера» выйдут на орбитальное окно над Енисеем.

Очередь выстроилась сама собой. Люди шли вперед молча, с пугающей деловитостью и решимостью смертников, внезапно получивших в руки оружие возмездия. Женщины-операторы, молодые системщики, седые механики — капсулы принимали их одного за другим, впрыскивая наномашин, перекраивая нейронные цепочки, превращая разрозненную толпу беженцев в единый распределенный боевой организм.

В дальнем конце цеха с лязгом распахнулась дверь утепленного вагона-рефрижератора, служившего полевым штабом связи. Из него быстрым, пружинистым шагом вышла Алёна.

На ней был темный тактический комбинезон с кевларовыми накладками, поверх которого висела разгрузка с портативными дешифраторами и аварийными накопителями данных. Волосы были коротко стянуты на затылке, а на правом глазу мерцал монокуляр тактической связи военной модификации. Ее лицо было бледным от бессонных суток, но в серых глазах горел тот самый расчетливый, стальной огонь, который Максим помнил еще по прорыву сквозь серверные лабиринты «Тартара».

Она подошла к Максиму, на ходу активируя голографический планшет.

— Орбитальный протокол перехвачен, — без предисловий начала Алёна. Ее голос звучал четко, как щелчок затвора. — Прямо сейчас закрытые спутниковые каналы связи Гросса разрываются от паники. В европейской части страны бунты переросли в позиционные бои. Пять дата-центров в Москве и Питере уже захвачены ополчением, но Гросс стягивает все резервы в Сибирь. Он понял, откуда идет сигнал истинной декомпиляции. Сюда идут три эшелона с тяжелыми штурмовыми мехами.

— Что с Енисеем? — спросил Максим, переключая зрительный интерфейс в режим тактического наложения.

Алёна провела пальцем по экрану, разворачивая в воздухе объемную топографическую карту Красноярского узла.

— Все хуже, чем мы рассчитывали. Железнодорожный мост через Енисей заблокирован намертво. За три часа до твоего обращения комендатура «Цербера» вывела на центральный пролет моста свой главный региональный козырь. Бронепоезд спецназначения «Стальной Молот».

Голограмма приблизила изображение чудовищного состава, застывшего прямо над темной, незамерзающей полыньей ледяной сибирской реки.

Максим мгновенно оценил тактико-технические характеристики вражеского монстра: три тяжелых бронированных тепловоза с титановым бронированием класса «Цитадель», двенадцать боевых платформ.

— Разбираем по секциям, — произнес Корсаков, сканируя трехмерную модель внутренним алгоритмом Декомпилятора.

— Головная секция, — продолжила Алёна, подсвечивая носовую платформу красным. — Тяжелый клиновидный таран-плуг из легированной брони с динамической защитой. За ним — две артиллерийские платформы. На каждой установлены спаренные 152-миллиметровые электромагнитные рельсотроны с подпиткой от автономных газотурбинных генераторов. Дальность прямой наводки по наземным целям — тридцать километров. Они держат под прицелом все подходы к мосту, обе насыпи и оба берега.

— ПВО и дроны?

— Платформы четыре и пять, — Алёна выделила башни скорострельных зенитных комплексов. — Шестиствольные 30-миллиметровые автоматы с радарным наведением миллиметрового диапазона плюс пусковые шахты зенитных ракет малой дальности. Любая птица, любой дрон ближе двух километров сбивается за секунду. На шестой платформе — катапультный ангар для роя дронов-перехватчиков «Шершень-4». Живая сила — две усиленные роты отборных штурмовиков ЧВК в экзоскелетах тяжелого класса «Булат-М», плюс четыре штурмовых шагающих платформы «Цербер-V1» в грузовых трюмах. Мост заминирован. На фермах установлены направленные кумулятивные заряды. Если они поймут, что теряют поезд — нажмут кнопку и обрушат центральный пролет в реку. Транссиб будет разорван на месяцы.

К ним подошел Алексей, за которым уже стояли два десятка только что синхронизированных добровольцев с карабинами за спиной. Их взгляды, прикованные к голограмме бронепоезда, были мрачными.

— Это же крепость на колесах, — глухо сказал Алексей. — Лобовой штурм насыпи — самоубийство. Рельсотроны превратят наш цех в щебень первым же залпом, если засекут движение эшелона. Надо подбираться с берега и взрывать опоры моста до того, как они наведут пушки. Отрежем им путь на восток.

— Нет, — жестко отрезал Максим.

Все повернулись к нему.

— Взорвать мост — значит запереть нас здесь, — голос Максима звенел чистой сталью. — Без Транссиба мы застрянем в тайге, и через двое суток нас окружают и выжгут термобарическими боеприпасами с воздуха. Нам нужен мост. И нам нужен сам «Стальной Молот».

Алёна подняла бровь, скрестив руки на груди:

— Ты предлагаешь захватить бронепоезд ЧВК? Состав весом в четыре тысячи тонн, оштенившийся рельсотронами и сенсорами кругового обзора, прямо посреди двухкилометрового моста над ледяной бездной?

— Именно. И не просто захватить, а взять его на ходу, — Максим шагнул к голограмме, и лазурная вспышка сорвалась с кончиков его пальцев, перекрашивая модель состава в сложную сетку уязвимостей. — Мы не будем взрывать мост. Мы используем «Стальной Молот» как бронированный таран. Мы загоним этот поезд на запад, сметая заслоны ЧВК, продавим их

оборону на ключевых узлах и дойдем на нем до самого Урала, прямо к подземным бункерам «Тартара».

В цеху повисла абсолютная, оглушающая тишина. Даже генераторы мобильной станции на секунду показались тише. Люди смотрели на Корсакова с ужасом и нарастающим, безумным восторгом. Это был план за гранью человеческой логики. Это была тактика высшего рейда, где невозможная механика босса ломается дерзостью и безошибочным расчетом.

— Радарный купол поезда сканирует воздух и открытое пространство насыпи каждые полторы секунды, — быстро заговорила Алёна, ее глаза лихорадочно блеснули, когда мозг уже включился в просчет безумной схемы. — Как мы преодолеем зону поражения? Нас разорвет зенитными автоматами за версту.

— Погода, — Максим указал вверх, на разбитые окна цеха.

Ветер снаружи завывал все яростнее. С севера, со стороны бескрайней эвенкийской тайги, на город стремительно накатывал плотный, ревущий снежный фронт. Настоящая сибирская пурга.

— Через сорок минут видимость упадет до пяти метров, — продолжил Максим. — Плотность снегопада забьет оптические камеры и снизит эффективность лазерных дальномеров «Цербера» на девяносто процентов. Радары сантиметрового диапазона будут захлебываться в отражениях от ледяной крошки. Им придется переключить сенсоры в режим максимальной чувствительности. И вот тут в игру вступит Алёна.

— ЭМИ-шум? — мгновенно поняла девушка.

— Не просто шум. Ты развернешь на нашей дрезине мощный широкополосный фальш-сигнал на частотах управления «Цербера». Заставишь их автоматику решить, что со стороны правобережного вокзала на них идет штурмовая колонна бронетехники. Они развернут главные калибры рельсотронов на восток. А мы зайдем с запада. С левого берега, прямо по нижним техническим балкам ферм моста, под рельсовым полотном.

— А дальше? — напряженно спросил Алексей. — Там бронеплиты толщиной в ладонь. Люки задраены изнутри на электромагнитные ригели.

Максим медленно поднял правую руку. Его пальцы слегка согнулись, и под кожей пробежала волна серебристо-синей интерференции, заставившая воздух вокруг ладони задрожать от микроволнового излучения.

— Люки — это просто железо, — тихо произнес он. — А железо слушается меня.

Он развернулся и пошел к выходу из цеха, бросив через плечо:

— Всем командирам десятков — закончить синхронизацию за двадцать минут. Вооружение: только бронебойные боеприпасы, резак, взрывпакеты направленного действия и абордажные кошки. Выдвигаемся в метель.

На открытой эстакаде возле цеха свирепствовал ледяной шквал. Снег хлестал горизонтально, за считанные секунды превращая любую неподвижную деталь в белый сугроб.

Максим подошел к краю бетонной платформы, глядя в сторону невидимого за снежной пеленой Енисея. До реки было три километра по заброшенным подъездным путям.

Он закрыл глаза и активировал глубокую внутреннюю диагностику. Перед его внутренним взором развернулся каскад золотых и кобальтовых строк системного меню, спроецированных непосредственно на зрительную кору.

[Статус: Архитектор (Максим Корсаков)]

[Синхронизация с Первичным Ядром Суверенного Данжа: 98.4%]

[Состояние носителя: абсолютный гомеостаз]

[Боевые характеристики физического воплощения:]

[Сила: 900]

— Расчетное предельное гидравлическое давление мускульной ткани: 18.2 тонны на квадратный сантиметр.

— Допустимая нагрузка на скелетный каркас: удержание статических масс до 35 тонн без пластической деформации костной ткани.

[Рефлексы: 1500]

— Время реакции синапсов: 0.65 миллисекунды.

— Скорость восприятия: дозвуковой кинетический барьер (способность визуального захвата и расчета баллистических траекторий снарядов со скоростью до 1200 м/с в реальном времени).

— Автономный режим перехвата угроз: активен.

[Нано-регенерация: Автономный замкнутый цикл]

— Плотность ремонтных нанитов в кровеносном русле: 4.8×10^{12} единиц/литр.

— Скорость затягивания сквозных пулевых и осколочных дефектов мягких тканей: 1.8–2.4 секунды.

— Восстановление повреждений внутренних органов с герметизацией сосудистого русла: до 8 секунд при условии сохранения целостности сердечного ядра.

— Полная нейтрализация химических, радиационных и биологических токсинов: непрерывно.

[Специальный модуль: Физический Декомпилятор]

— Радиус активного сканирования: 120 метров.

— Режимы:

1. Экспресс-анализ кристаллической решетки материалов.
 2. Инъекция микрокода в беспроводные радиоинтерфейсы и силовые шины питания.
 3. Деструкция молекулярных связей конструкционных сплавов при физическом контакте.
 4. Захват управления локальными вычислительными сетями вражеской техники.
- Максим посмотрел на лежащую рядом массивную двутавровую стальную балку — обломок перекрытия старого цеха толщиной в двадцать пять миллиметров кованой углеродистой стали.

Он опустил ладонь на холодный металл. Пальцы сжались.

Никакого видимого напряжения, никаких раздувшихся вен. Раздался глухой, тошнотворный скрежет рвущегося металла. Стальной монолит под его пальцами смялся, словно был вылеплен из сырой глины. Нано-контуры в его ладони вспыхнули ярче, и сталь в месте контакта побелела от мгновенного нагрева, а затем пошла тончайшими радиальными трещинами: Декомпилятор за долю секунды расщепил межмолекулярные связи сплава, превратив край балки в хрупкую кристаллическую пыль, осыпавшуюся на снег.

[Декомпилятор: Тест материала завершен]

[Сталь конструкционная: сопротивление преодолено за 0.12 сек]

[Расход энергии: 0.04%]

Сила 900 единиц в физической реальности была не просто числом из интерфейса. Это была мощь гидравлического пресса, запечатанная в человеческом теле. Бронепластины мехов «Цербера», толщина бортов бронетранспортеров, титановые переборки локомотивов — все это перестало быть непроницаемой защитой.

Максим стряхнул металлическую пыль с перчатки.

Позади послышались шаги. Алёна подошла к нему, кутаясь в капюшон, сквозь вой метели ее голос звучал жестко и собранно:

— Колонна готова. Четыреста восемьдесят синхронизированных бойцов. Остальные остаются удерживать депо и обеспечивать резервный канал связи. Мобильная станция свернута в походное положение.

Максим обернулся.

Из ворот депо ровными, плотными шеренгами выходили люди. Их лица были скрыты масками и шарфами, но в темноте пурги сквозь щели тактических очков светились сотни одинаковых бирюзовых точек — индикаторов активной синхронизации. Они больше не жались от холода. Ускоренный метаболизм и поддержка нанитов согревали кровь, превращая холод в бодрящий фактор концентрации. Они держали оружие так, как держат его ветераны сотен боев: стволы направлены вниз, пальцы на скобах, дистанция между звеньями строго выверена по тактической сетке интерфейса.

Это больше не было разрозненное ополчение испуганных беженцев.

Это был Легион.

— Алексей ведет первую штурмовую группу по левому флангу насыпи, — доложила Алёна. — Моя группа операторов разворачивает станцию радиоэлектронного подавления на дрезине в полутора километрах позади вас. Как только ты дашь сигнал, мы вдавим педаль помех в пол и подожжем их эфир.

Максим посмотрел на нее. На секунду в его взгляде пробилось что-то живое, человеческое — память обо всем, через что они прошли в холодном аду корпоративных лабораторий.

— Будь осторожна, Алёна. Если «Левиафан» выйдет на связь с бронепоездом раньше времени, они могут сбросить со спутника тактический кинетический заряд прямо на мост.

Девушка усмехнулась — коротко, дерзко, с той самой упрямой злостью, которая не раз спасала им жизнь.

— Пусть попробуют. У меня для спутников Гросса заготовлен сюрприз, от которого их квантовые процессоры выгорят к чертовой матери. Ты главное забери этот чертов поезд, Архитектор.

— Заберу, — просто ответил Максим.

Он поднял руку, активируя общий канал координации Легиона.

[Протокол: «Штурм — Стальной Молот»]

[Канал: Открыт]

[Единый тактический маркер: Установлен]

— Говорит Архитектор, — его голос одновременно зазвучал в ушах почти пяти сотен бойцов через их нейроинтерфейсы. — Вы помните, кем вас считали корпорации. Биомассой. Шестеренками в их машинах генерации прибыли. Расходным материалом, который они загоняли в капсулы, отбирая жизнь, свободу и будущее. Сегодня они узнают, что бывает, когда металл возвращает долги. Наша цель — поезд. Наша цель — Транссиб. Наша цель — Москва.

Он опустил руку и шагнул вперед, срываясь на стремительный, стелющийся над снегом бег.

— Легион... Вперед!

Пятьсот бойцов без единого крика, без единого лишнего звука, бесшумными тенями растворились в ревущей белой мгле сибирского бурана, устремляясь к чернеющим вдали стальным громадам моста через Енисей.

Ночь опустилась на тайгу, но в этой ночи зажглось пламя, которое Вальтеру Гроссу и его титанам уже не суждено было погасить.

Глава 5. Осада узла «Тайга-Север»

Буран хлестал по забралу шлема ледяной крупой, разбивавшейся о прозрачный полимер на скорости тридцать метров в секунду. Температура за бортом: минус тридцать восемь по Цельсию. Влажность предельная. Ветер северо-западный, с порывами, способными сорвать человека с насыпи. Но для тела, чьи мышечные волокна были сплетены с углеродными нанотрубками, а скелет усилен титано-боридной матрицей, мороз сибирской тайги оставался лишь фоновым значением в нижнем углу интерфейса.

Впереди, сквозь белесое марево поземки, проступали контуры железнодорожного узла «Тайга-Север».

Это была не просто заштатная станция Транссиба, затерянная среди вековых кедров. Корпорация «Цербер» и синдикат «Левиафан» превратили транспортную развилку в полноценный укрепрайон класса «Цитадель». Три яруса колючей спирали Бруно под напряжением в пять киловольт, перемежаемые противопехотными сейсмодатчиками. По периметру — врытые в мерзлый грунт полусферы долговременных огневых точек, обшитые биметаллическими плитами активной брони. Над приземистым зданием вокзала, сложенного из монолитного фортификационного бетона, высилась радиомачта с блоками фазированных антенных решеток, а над путями резали слепящую тьму сдвоенные ксеноновые прожекторы мощностью в двадцать киловатт каждый.

И главное — на четвертом запасном пути, окутанный клубами морозного пара и сизого выхлопа вспомогательных турбин, стоял он.

Тяжелый бронепоезд «Стальной Молот».

Чудовищный колосс длиной почти в полкилометра. Локомотив с клиновидным носовым тараном-снегоочистителем, бронев вагоны с поворотными спаренными орудийными башнями калибра 152 миллиметра, платформы с зенитными ракетно-пушечными комплексами ближнего радиуса и глухие, утолщенные контейнеры автономных реакторных отсеков. Машина Судного дня, предназначенная для удержания сухопутного хребта континента под железной пятой Вальтера Гросса.

[Система: Сканирование периметра узла «Тайга-Север» завершено]

[Обнаружено активных целей: 142 единицы живой силы в экзоскелетах класса «Цербер-Тяж»]

[Автоматические турели: 12 стационарных постов «Вепрь-4М» (калибр 30-мм, спаренные)]

[Тяжелые ДОТы: 4 единицы (фланговое прикрытие насыпи)]

[Синхронизация физического ядра: 98.4%]

[Рефлексы: 1500 (сверхзвуковой порог восприятия)]

[Сила: 900 (гидравлика нано-миомеров)]

[Кинетический демпфер: Готовность к разворачиванию]

[Физический Декомпилятор: Стендбай, частотный диапазон 0.1–400 ГГц открыт]

В наушнике затрещал высокочастотный пакет зашифрованных данных. Голос Алёны, модулированный квантовым шифратором, звучал чисто и холодно, рассекая статику эфира:

— Архитектор, мы на позиции. Дрезина закреплена в слепой зоне за холмом. Разворачиваю эшелон активных помех. Через три... две... одну... Зажигаем!

В ту же секунду горизонт за спиной Максима озарился неслышным для человеческого уха радиочастотным штормом. Нано-генераторы Алёны выплеснули в морозный воздух мегаватты белого шума, сжигая входные каскады дальних радаров корпорации и закольцовывая спутниковые ретрансляторы «Левиафана». Огни на радиомачте замигали, тревожно переходя на аварийный багровый спектр.

Но локальная проводная автоматика гарнизона среагировала мгновенно.

Взревел ревун воздушной тревоги — тяжелый, низкий вой, заставивший завибрировать ледяную корку на рельсах. Прожекторы на мачтах дернулись, метнулись по белому полю и скрестились на одинокой фигуре, идущей по центру железнодорожной насыпи.

Максим не бежал. Он шел мерным, размеренным шагом. Черный композит штурмового костюма поглощал фотоны прожекторных лучей, а нано-контуры под внешними пластинами мерцали тусклым сапфировым свечением, накачивая конденсаторы кинетического барьера.

[Бой: Вход в зону поражения фронтального оборонительного пояса]

[Дистанция до ДОТ-1: 180 метров]

Из амбразуры ближайшего дота вырвался длинный язык пламени. Спаренный крупнокалиберный пулемет «Корд-М», модифицированный под бронебойно-зажигательные патроны 12.7x108 миллиметров с урановыми сердечниками, ударил длинной очередью. Следом за ним ожили автоматические турели на вышках. Триста выстрелов в минуту. Стена свинца, вольфрама и горящего пирофора понеслась навстречу Максиму, вздымая снежные фонтаны высотой в три метра.

Первая пуля ударила в грудную пластину на скорости восьмьсот сорок метров в секунду.

Воздух перед Максимом взорвался ослепительной геометрической сеткой. Гексагональные ячейки кинетического барьера вспыхнули резким изумрудным светом. Физика реального мира подчинилась встроенным алгоритмам суверенного данжа: колоссальный импульс снаряда не отбросил тело назад, а мгновенно рассеялся по силовым шинам костюма, уйдя через подошвы магнитных ботинок в гранитную насыпь. Ударные волны сотрясали щебень под ногами, но шаг Максима даже не сбился.

Пули рикошетили от барьера с визгливым звоном, улетаая всеором в метель и срезая природоженный кустарник.

[Статус: Кинетический барьер — нагрузка 14%]

[Поглощение энергии: 420 кДж перенаправлено в накопители нано-нитей]

[Рефлексы 1500: Активация боевого темпо-ритма]

Мир замедлился.

Падающие снежинки застыли в воздухе хрупкими кристаллическими звездами. Трасеры тяжелых пуль превратились в неподвижные огненные иглы, протянувшиеся от амбразур к его груди. Максим видел, как пороховые газы медленно, словно густая патока, закручиваются в спирали на срезах стволов. Видел микротрещины на медных рубашках несущихся снарядов.

Один шаг. Ускорение в тридцать g вдавило гравий в шпалы.

Максим сорвался с места, оставив позади звуковой удар, разорвавший снежную стену бурана. Дистанцию в сто пятьдесят метров он преодолел за доли секунды, появившись прямо перед стальной маской дота номер один, словно материализовавшись из чистого морозного воздуха.

Операторы внутри дота — двое наемников «Цербера» в шлемах с дополненной реальностью — даже не успели осознать, что цель исчезла из перекрестия прицелов. В их сенсорных системах Максим все еще находился в ста метрах от амбразуры.

Максим поднял правую руку. Пальцы в перчатке из углеродного волокна коснулись двухсотмиллиметровой броне плиты лобового щита.

[Протокол: Физический Декомпилятор]

[Тип контакта: Прямой гальванический ввод]

[Материал: Сталь марки 45ХН2МФА, титановый подбой, внутренняя шина управления стандарта МП-STD-1553В]

[Анализ аппаратного контроллера: Процессор «Скиф-К», военная прошивка 4.12]

Нано-нити микронной толщины выстрелили из пор на подушечках пальцев. Раскалившись от индукционного тока, они за микросекунды проплавили защитную эмаль и проникли в межатомную структуру легированной брони, используя кристаллическую решетку металла как волновод.

Электромагнитный импульс чудовищной плотности взломал входные порты контроллера управления огнем.

Переполнение стека памяти. Сброс привилегий ядра. Архитектурный перехват.

[Декомпилятор: Управление перехвачено]

[Смена статуса: Свой/Чужой инвертирован]

[Новая директива: Подавление узловых точек противника]

Внутри амбразуры приводы турели взвизгнули от запредельного напряжения. Спаренные стволы 30-миллиметровых автоматических пушек дернулись вверх и вправо, игнорируя ручные рычаги операторов, которые с ужасом пытались вернуть контроль над оружием.

— Что за чертовщина?! Сброс! Аварийный сброс! — донесся из вентиляционной щели панический вопль стрелка.

Слишком поздно.

Стволы зафиксировались на координатах закрытого капонира в трехстах метрах к северу — главного полевого склада артиллерийских боеприпасов ЧВК «Цербер». Турель открыла

огонь безостановочной очередью. Тяжелые осколочно-фугасные снаряды вонзились в железобетонные ворота хранилища, проламывая противоккумулятивные решетки.

Через четыре секунды земля под ногами содрогнулась.

Склад сдетонировал. Столб ослепительного пламени и кипящего газа высотой в сотню метров взметнулся в свинцовое сибирское небо, испаряя тонны снега в радиусе полукилометра. Взрывная волна снесла две дозорные вышки, сорвала крышу со здания депо и превратила ксенонные прожекторы в дождь из горящих осколков кварцевого стекла. Осколки брони и горящие ящики с выстрелами для танковых пушек разлетелись по путям, превращая оборону станции в хаос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.